SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мне возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенных, но и основательно окунуться в самую глубину того движения, которое возглавлялось Махно. С этими наблюдениями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

- Н. В. Герасименко
  - Несколько слов вначале
  - I. Махно до Революции 1917 года
  - II. Первая встреча с Махновцами
  - III. Махно – партизан
  - IV. "Батько Махно"
  - V. Женитьба Махно
  - VI. Махно на советской службе
  - VII. Махно и Григорьев
  - VIII. Махно – петлюровец
  - IX. Махно в тылу Деникина
  - X. Борьба Махно с корпусом ген. Шкуро и с губернатором Щетининым
  - XI. Махно и Слащев
  - XII. Махно и союз его с Врангелем
  - XIII. Армия Махно
  - XIV. Махно и анархисты
  - XV. Заключение
  - Приложения
    - I. Приказы и телеграммы Махно[7]
    - II. Нестор Махно о себе[9]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

○ 13

Н. В. Герасименко

Батько Махно
Мемуары белогвардейца

Несколько слов вначале

Когда нет очевидцев, рождаются легенды. Как днище корабля ракушками, обрастают они домыслами, забытыми или отвергнутыми когда-то свидетельствами, приукрашенными или пересмотренными сегодняшним бытием. Казалось бы, с одной стороны, идет непрерывный поиск правды истории. Но с другой – она подгоняется под политические требования текущего момента, становясь расхожим доводом в нынешних общественных спорах и борениях. Отнюдь не безобиден этот текущий момент. Как голодное чудище требует он новых порций исторических обоснований, обеспечивающих ему политическое равновесие сегодня, надежность и уверенность завтра.

Представляю, как насупятся иные историки, прочитав эту строчку, бросающую тень на их де безупречную жизнь для науки и ради науки. История, могут возразить, во многом и интересна, и поучительна благодаря все тем же историкам, которые в меру таланта своего, научного и литературного, смогли оживить мертвенные картины былого, увлечь ими человека, живущего сегодня.

Все так. Но историк – дитя своего времени, путешествующий в эпохах, хочет он того или нет, с мерками и взглядами, определенными условиями современности. Взять, к примеру, тему Махно. Не приходилось что-то читать о батьке и его войне ни книг, ни статей, которые рисовали бы ситуацию иначе, чем, скажем, в "Военной энциклопедии" образца 1978 года: "Махно неоднократно заявлял о признании советской власти, чем приобрел популярность среди крестьян" (!?). Когда он порвал с советской властью, то его некогда боевые отряды "окончательно превратились в банду грабителей", потеряв, разумеется, доверие народа. Вот так – искренне и незатейливо. А может быть в чем-то другом, не в лояльности власть предержащим, заключается необыкновенная популярность батьки среди крестьянских масс, имеет возможность подумать и сказать историк сегодня. Но не вчера, когда "полыхающий сумрак отчизны моей" мог быть высвечен историей и историком только с оглядкой на каноны, предписанные мышлением, ангажированным идеологией. Слава Богу, мы прожили этот этап.

Перестройка Горбачева – тоже идеология. Не место, наверное, на этих страницах анализировать ее влияние на процесс нового осмысления исторического пути, пройденного после октябрьских событий в России. Но, бесспорно то, что процесс этот начался и идет только благодаря ей. Из школьной философии нам известно,

что мотором любых общественных преобразований является диалектика, основной закон которой увязывает в единое целое борьбу и единство противоположностей. Откажись мы от одной из этих крайностей, и заглохнет мотор, как уже было не раз в истории, в том числе и нашей, отечественной, когда монополия на суждение уничтожала самую мысль. Где было развиваться и мужать этой мысли, когда все было однажды сказано и предопределено наперед. И брела она уныло, как шутили во времена недоброй памяти, в бок: вперед по известным причинам не могла, а назад – начальство не пускало.

Сегодня в общественных и политических науках обозначилась другая крайность. Прогрессивным становится то, что вчера еще было прочно приковано к историческим позорным столбам и тихонько или рьяно оплевывалось в зависимости от лояльности службистами от науки. Долго сдерживаемый маятник постижения истины мощно качнулся в обратную сторону, уводя туда же тех, кто доверчиво следил за его движением.

Не обошла эта скакнувшая амплитуда и батьку Махно, основных действующих лиц его движения, которое, как "пролетарская пушка стреляет туда и сюда", долго изрыгало свинец, сея смерть по обе стороны революционной баррикады одновременно. Пока, правда, не стал героем на страницах периодической печати, но все чаще и чаще обращаются к махновщине исследователи и литераторы, с какой-то удивительной приязненностью и снисходительностью рисующие его деяния. И вот ненавязчиво начинает прививаться мысль, что Махно воевал-то под знаменами, на которых значилось: "С угнетенными против угнетателей", что бывший шеф его контрразведки, член батькиной "следственной комиссии", садист Левка Задов (Зиньковский), который на своих руках перенес израненное батькино тело через границу, заслужив на всю жизнь его признательность, выполнял (!?) важное задание чекистов и вообще был впоследствии осужден незаконно. Серьезным анализом и новыми фактами и свидетельствами исследователи не располагают. Но это не смущает их. И сомнения в оценках Махно выносятся на телеэкран – самую массовую аудиторию.

Чего здесь больше – заблуждения, стремления к сенсационности или умилительного невежества, судить не берусь. Да и не это главное. Удручает другое: гласность – это пожалуй, единственное завоевание перестройки – оказывается во многом беззащитной под напором изыскательной энергии "махноведов". Молчат историки, и опять далеки мы от исторической правды. Но если раньше анализ подменялся догмой, то теперь выводы не связываются с общепринятыми понятиями о нравственности

(кстати, диалектика успешно работает только в системе нравственных координат). И в том, и в другом случае теряет истина.

Террор 20-х годов, военный коммунизм и продразверстка, ужас гражданской войны – все это этапы, через которые прошел наш многострадальный крестьянин. Прошел на Украине вместе с махновщиной. Нельзя сказать, что времена и события эти получили достаточное отражение в воспоминаниях современников, передающих дух событий. Книжка И. Тепера (Гордеева) "Махно – от единого анархизма к стопам румынского короля", вышедшая в Киеве в середине 20-х годов, весьма расплывчатый и сбивчивый рассказ бывшего махновца, далеко не раскрывает главные перипетии этого движения. В 1929 и 1936 годах в Париже вышли мемуары Махно. Эти книги могли бы во многом восполнить пробел в наших представлениях либо об опереточном батьке, либо садисте-злодее. Пока же издатели наберут обороты, наверное, полезной будет настоящая книга одного из свидетелей махновщины Н. В. Герасименко. В основу ее легли не только личные воспоминания, но и рассказы очевидцев. Будучи порой во власти многочисленных мифов, окружавших в те годы имя батьки, Н. В. Герасименко и сам идет у них на поводу. Однако в целом он весьма точно и объективно отражает главные этапы махновского движения, делая в конце справедливый вывод о том, что настроения крестьянства "резко изменились, и это заставляет меня признать, что история махновщины закончена, а для самого Махно остается лишь роль просто бандита, каким он по существу всегда был".

Впервые эта книга вышла у нас в стране в 1928 году под редакцией историка П. Е. Щеголева. Его сноски и приложения мы решили сохранить и в настоящем издании.

Александр Серегин.

I. Махно до Революции 1917 года

Нестор Иванович Махно родился в 1884 году, в селе Гуляй-Поле, Екатеринославской губ., в семье малоземельного и бедного крестьянина, который занимался скупкой рогатого скота и свиней по заказам мариупольских мясников.

До одиннадцати лет молодой Махно, посещавший школу, помогал отцу в разделке свиных туш, а затем мальчика определили в один из галантерейных магазинов гор. Мариуполя.

С первых же дней службы в магазине для всех было ясно, что приказчика из Махно не получится.

– Это был, – как рассказывал впоследствии старик-приказчик, у которого Махно был подручным, – настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящий на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его спине и голове совершенно без всякой пользы до сорока деревянных аршинов: наша наука ему не давалась.

От мальчика требовали покорности, почтительности и выполнения мелких услуг, но будущий "крестьянский" вождь, презирая старших, вместо скучного дела за прилавком, предпочитал ловлю бычков в море или шатанье с шумной ватагой праздных уличных мальчишек по порту или окрестностям города.

На побои, которыми щедро награждали его со всех сторон, мальчик отвечал местью: он ловко незаметно отрезывал пуговицы с костюмов приказчиков, подливал касторовое масло в чайник с чаем, а своего учителя-приказчика, однажды, после порки, сгоряча облил кипятком так, что старика в обморочном состоянии отвезли в больницу. Когда жена хозяина магазина сделала попытку выдрать мальчика за уши, он до крови искусал ее руки и, боясь наказания, сбежал из магазина, скрываясь неизвестно где.

Хозяин, желая избавиться от непокорного Махно, вызвал из села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили в типографию для обучения делу наборщика.

Типографское дело пришлось Махно по вкусу: он с интересом присматривается к работе наборщиков, расспрашивает их, учится разбирать шрифт, проявляет бойкость, сметливость. В типографии его начинают ценить, поощрять, – и это вернее всяких побоев достигает цели: Махно с утра до вечера просиживает в типографии, – он уже умеет держать в руках верстатку, его рука быстро и ловко бегает по клеточкам кассы.

Порт и ловля бычков забыты, забыты и детские шалости с ватагой уличных мальчуганов. Махно не узнать. Он берется за книги, тетради, появляется жажда знания: Махно работает над самообразованием упорно, настойчиво, проявляя несомненные способности.

На мальчика обращает внимание работающий в той же типографии анархист Волин, который заинтересовался занятиями Махно, и помогает ему пройти дома курс городского училища.

После ареста Волина занятиями Махно руководит эсер Михайлов. По его совету Махно сдает экзамен на сельского учителя и в 1903 г. получает место учителя в одном из сел Мариупольского уезда.

С первых же шагов своей учительской деятельности Махно принялся за проповедь среди крестьян анархического учения. На этой почве у него начались неприятности с полицией и начальством. В результате этих столкновений Махно лишают места учителя и высылают в с. Гуляй-Поле под надзор полиции.

В родном селе Махно сразу приобретает популярность и неограниченное влияние на крестьянскую молодежь. Это было вполне понятно. Сверстники Махно помнили его по школе, по играм и шалостям, и вдруг этот маленький Нестор, которого они часто били, возвращается домой с дипломом учителя, "героем", пострадавшим за убеждения, "борцом" за народ и правду. В результате он настолько подчиняет своему влиянию крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяином села: его распоряжений никто не смел ослушаться.

– Я приказал, и надо исполнить, – властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тем, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточных крестьян и помещиков и по ночам устраивали бесшабашные кутежи, о которых потом говорила вся деревня.

Старики недовольно покачивали головами, поговаривали о том, что пора прекратить безобразие, но молодежь только посмеивалась и все больше и больше озорничала.

Слава о подвигах Махно и его молодцов разносится далеко за пределами Гуляй-Поля. Помещики побаиваются Махно, полиция бессильна с ним бороться. Впрочем, с полицией Махно умел ладить, и в этом сказывается его двойственный, коварный характер. Проповедуя анархические идеи, Махно в то же время ведет самую тесную дружбу с урядниками и даже приставом, устраивая с ними невероятные попойки. И эти попойки всегда устраивались после ограбления чужого погреба или после того, как он возьмет откуп с крестьянина, устраивавшего свадьбу.

Откуп брался под угрозой разгрома свадебного кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу с полицией, Махно только загадочно улыбался.

– Не вам, дуракам, давать мне отчет, – резко говорил он им, обрывая разговоры на эту тему.

К Махно потянулась молодежь с окрестных сел, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбивалась от дела, пьянствовала и озорничала. Кто знает, может быть тогда уже зародилась та "махновщина", которая в дни революции запылала зловещим огнем по всей Новороссии.

Дружба с полицией дала свои результаты. В 1905 году Махно получил политическую благонадежность, ему разрешили учительствовать и дали школу в с. Петровском, Бердянского уезда.

Однако и на этот раз Махно не долго побыл учителем. Подошли октябрьские дни, зазвучали речи о свободе, страна всколыхнулась, и Махно с головою окунулся в революционную стихию.

В начале 1906 г. он организовал смелое нападение на Бердянское уездное казначейство. Во время налета Махно совершил тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Один из участников выдал Махно, и его арестовали. До суда Махно содержался в Бердянской уездной тюрьме, но за попытки к побегам его перевели в Херсонскую губернскую тюрьму, где за ним строго следили. В 1907 г. Таврическим окружным судом Махно был приговорен "за разбой и убийство" к бессрочным каторжным работам и переведен для отбывания наказания сначала в Орловский централ, а затем в Акатуй и Зерентуй.

По рассказам одного из "атаманов", Чалого, бывшего "потемкинца", отбывавшего вместе с Махно наказание в Акатуе, Махно не сразу сумел приспособиться к тюремному режиму, многократно делал попытки к побегу, поражая администрацию тюрьмы своей изобретательностью. За попытки к побегу Махно наказывали карцером и плетьми. Но Махно не расставался с мыслями о свободе. Его последняя попытка к побегу была совершена во время групповых работ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой он был найден спрятавшимся в сарае за дровами и долго не сдавался, отбиваясь топором. За этот побег он понес особенно тяжелое наказание.

С этого момента Махно становится неузнаваем: он стал болеть, хиреть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимал участия в обычных для бессрочных каторжан протестах. Часами, как маниак, Махно возится где-нибудь в темном углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь

снять их и изломать.

Каторжане относились к Махно с несвойственной им предупредительностью. Их пугало необычайное выражение его глаз, в которых отражалась безмерная, бешеная злоба ко всему и ко всем.

В 1917 году, по общей амнистии Временного правительства, Махно был освобожден, и осенью 1917 г. приехал в село Гуляй-Поле, где вскоре приобрел трагическую известность под именем "батько Махно".

II. Первая встреча с Махновцами

В июне 1918 года мне нужно было срочно выехать по делам из Симферополя в Киев. После некоторых размышлений: ехать ли морем до Одессы, а затем через Раздельную на Киев, или через Александровск с риском попасть в объятия "батьки Махно", о котором рассказывали легенды, – я решил рискнуть ехать поездом.

В вагоне тесно, душно. Пассажиры озабочены, говорят почему-то шопотом, вздыхают, пугливо выглядывая из окна, словно чего-то ожидая. Разговаривают исключительно о Махно и о страшных бандах, которые останавливают поезда, грабят и убивают.

Днем благополучно прошли Александровск, вечером далеко оставили Синельниково. Ничего страшного не случилось. Пассажиры успокоились, забывая рассказы о бандах Махно, шутили и уже стали сдвигать чемоданы, корзины, узлы, устраиваясь на ночлег. В это время вагон неожиданно качнуло, ход поезда замедлился, заскрипели колеса. Пассажиры испуганно переглянулись. Гремя буферами, поезд остановился.

Не успели мы сообразить, в чем дело, как сухо затрещали винтовочные выстрелы.

– Грабят… Махно…

Все притихли, тревожно насторожились. Под окнами беготня, суета, крики…

Из вагона в вагон неслась грубая команда:

– Забирай вещи, выходи в поле, а кто не выйдет – расстреляем…

От кого исходил приказ, почему надо выходить из вагона,- никто не знал, но ослушаться приказа никто не посмел.

Моросил мелкий дождь. Луна пряталась за быстро бегущими облаками и слабо освещала призрачным светом притаившуюся степь и каких-то людей на конях. Конные лихо скакали вдоль железнодорожной насыпи, стреляли в воздух, наводя этим панику на испуганных пассажиров.

– Махновцы… – сказал кто-то шопотом.

Вскоре появились и пешие махновцы. Мы стояли небольшими группами возле своих вагонов, свалив багаж на мокрую землю.

У товарных вагонов слышался шум, крики и брань, – это махновцы перегружали товары из вагонов на подводы. Когда перегрузка окончилась, нам приказали куда-то итти. Прошли около трех верст, показались подводы, нас остановили.

Солидного вида мужчина в высокой бараньей шапке,

окруженный толпой вооруженных людей, объявил нам, что бояться нечего, что мы временно задержаны "Запорожским полком Петриченко из армии батьки Махно" и что расстреливать будут только офицеров, полицейских и, может быть, спекулянтов.

На наши уверения, что ни офицеров, ни полицейских, ни спекулянтов среди нас нет, "баранья шапка" равнодушно ответила, что "там видно будет, а пока предъявите документы".

Однако проверялись не документы, а бумажники и кошельки, которые тщательно складывались в мешки вместе с часами, портсигарами, кольцами и другими драгоценными вещами. Багаж нам приказали сложить на подводы, которые двинулись куда-то без нас.

После проверки "документов" нам приказали итти по дороге через лес в с. Клюевку и явиться в штаб Махно.

Делать нечего – пришлось итти. По дороге мы заметили, что нас никто не конвоирует. На ходу мы стали обсуждать создавшееся положение. Одни говорили, что мы свободны и нам следует итти до станции, а другие считали за лучшее, во избежание недоразумений, итти в Клюевку, где можно будет поесть и отдохнуть. Произошел раскол: большая группа пассажиров повернула назад, а меньшая взяла направление на лес, который темной полосой вырисовывался на туманном горизонте.

Итти приходилось по грязи. Вскоре мы заметили, что из леса выскочила группа всадников и быстро помчалась к нам навстречу, словно бросилась в атаку. Мы испуганно свернули с дороги; всадники открыли по нам стрельбу; мы рассыпались в стороны и залегли в грязь, проклиная судьбу. Через несколько минут нас окружили махновцы.

– Кто вы? Откуда? – расспрашивали они, подозрительно рассматривая нас.

Кто-то нашелся объяснить, что мы артисты, идем в гости к батьке Махно.

– Так чого ж вы раньше цього не казалы, мы ж думали що вы буржуи або военные.

Махновцы добродушно посмеивались над нами и посоветовали нам итти скорее во избежание встречи со вторым конным отрядом…

Последствием этой "атаки" у нас оказалось человек двадцать раненых и помятых лошадьми.

В полдень мы стали подходить к селу.

То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило. Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная

Запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев было одето в вязаные и сетчатые, белые и цветные фуфайки, на ногах болтались необычной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были "до зубов". Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, вились по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины, тут же у стен, валялись винтовки и кое-где понуро торчали пулеметы.

При нашем появлении махновцы пестрой толпой высыпали на улицы, гогоча и отпуская по нашему адресу грубые шутки и циничные остроты. Среди махновцев можно было видеть крестьян и крестьянок. Окруженные галдящей толпой, мы подошли к небольшому домику возле волостного правления, откуда через несколько минут вышел молодой, рослый матрос в кавалерийских сапогах со шпорами.

Говор несколько стих. Толпа расступилась, и матрос заорал, обращаясь к нам:

– Что это за сволочь приплелась?

Мы объяснили ему, что мы артисты. Матрос окинул нас быстрым взглядом и расхохотался. И действительно, мы представляли забавное зрелище. Разговорились, стали объяснять матросу наше скверное положение.

– Бывает и хуже, – загадочно бросил матрос.

Но толпа была настроена не так миролюбиво, как нам сначала показалось. Из толпы послышались крики, что в таком виде сам чорт не разберет, действительно ли мы актеры.

– Нехай краше нам прыставляють, а то може воны брешуть…

Матрос хотя и продолжал посмеиваться, но, видимо, присоединялся к мнению толпы. Напрасны были наши доводы, что нам нужно привести себя в порядок, поесть, отдохнуть. Пришлось "приставлять". Выручил один из спутников, который очень удачно рассказал несколько комических рассказов, подражая Ивану Руденкову. Это выступление вызвало взрывы хохота.

Кто-то спел романс: "Отойди, не гляди". Одна почтенная с виду дама пропела дрожащим голосом арию из "Онегина". Слушатели становились требовательнее, указывая на то, что нас много, а поет мало. Я уверенно затянул "Из-за острова", кто-то энергично махнул руками, и хор грянул. Пели мы до хрипоты, – махновцы остались довольны, уверовав в наши таланты.

Нам отвели три клуни. Мы кое-как почистились, помылись,

под вечер поели и начали подшучивать над превратностями судьбы.

Когда стемнело, стали укладываться на ночлег. Слышались крикливые звуки кларнетов и гармоний, взрывы смеха, крик, женский визг, топот пляшущих ног. Ко мне подошел и сел на землю пожилой крестьянин – хозяин двора, где мы расположились.

– Ох, чоловиче, – вздохнул в раздумьи крестьянин, – не доведе гульня до добра. Чуете, що воны выробляють, и оттак що дня. И куды воны стилько пьють о цей самогон? Да що там пьют, а з жинками що роблють, так и не прыведы бог…

– Отчего же молодым не погулять…

– Добра гульня, прости господи, и в день и в ночи покою нема, прямо хоть от риднои хаты отцураися.

– Что же, они из вашего села?

– Да, ни (нет), що вы, бог з вами. Кажуть, що воны запорожци, а там бис их знае, хто воны.

– Так зачем же вы их пустили в село?

– Э, знаете, все ж таки воны за нас стоять, да и нас не обижають, даром ничего не беруть. Да що й казать, тут що робылось, пока воны не пришлы. И пану дай, и нимцу дай, мылыции теж, а там пристава, старосты, и де их тилько набралось? А сколько перевишалы, да перепороли – выходыло

так, що перед каждым знымай штаны. Писля ни систы, ни лягты. Теперь мы хоть трохи отдохнулы, да кое що и повернулы назад, а то думалы, що страшный суд, и бильш нычого.

А цей, знаете, Махно, спасыби ему, що помыщыкив выразив, да панив, да мылыции и австрийцив набыв стилько, що за четыре дни насылу закопалы. Ни, вин дуже нас защыща, тилько у його хлопцив богацько таких, що не доберешь, вид кого воны уродылысь.

– Значит у вас с ним союз, что ли?

– Да ни, мы промеж себя так поришылы, що нехай робыть що хоче, тилько з дому мы ныкуды ни пидем; звисно, молодежь теперь не удержишь дома, ну, кое хто и пристав до його, тилько не богацько, а так щоб хозяин який, так того ни.

Крестьянин вздохнул, перекрестился, пожелал мне доброй ночи и направился к себе.

На улице как-то сразу смолкла музыка и крики; во дворах заметна была суматоха. По улице проскакали всадники. Крестьянин выбежал из хаты узнать, что случилось. Скоро вдали послышалась глухая артиллерийская стрельба. Махновцы тревожно бегали из двора во двор, крича, запрягали лошадей. На всякий случай, мы поодиночке стали пробираться в поле. Вскоре в

селе стало необычайно тихо. Артиллерийская стрельба слышалась все яснее. Во двор вернулся наш хозяин. Я спросил, что случилось.

– Да кажуть, с нимцами бьются.

Утром в селе появились разъезды немецкой кавалерии, а в полдень мы были во власти германского отряда. Нас отправили на железнодорожную станцию. С большим трудом добрался я до Киева без вещей и без денег. Повидать Махно в этот раз мне не удалось. Как потом я узнал, Махно в то время был занят игрой в карты с австрийскими офицерами, взятыми в плен, которых, после прерванной игры, Махно приказал расстрелять.

III. Махно – партизан

Начало и развитие деятельности Махно на юге России нужно отнести к марту 1918 г., что совпало с окончательным развалом румынского фронта, уходом из Крыма в Новороссийск Черноморского флота и последними днями существования украинской Центральной рады. В это время Махно располагал небольшой шайкой, составленной из преступников и севастопольских матросов. Со своей шайкой Махно совершал дерзкие, но в общем обычные для того времени грабежи, кочуя из одного уезда в другой. По дороге к нему приставали недовольные и обиженные гетманским режимом и матросы Черноморского флота, которые поодиночке просачивались через немецкие кордоны из Крыма. Отряд численно разрастался, и Махно от случайных грабежей перешел к налетам на имения помещиков, на небольшие города и железнодорожные станции. Налеты сопровождались зверскими убийствами. Махновцы начали сводить личные счеты с теми, кто так или иначе обидел их, или на кого они были злы.

Насколько свободно чувствовал себя Махно, можно судить по рассказу управляющего одного из крупных имении Таврической губернии. Имение это находится в 15 верстах от Николаева. Махно явился туда за 150 верст с целью свести счеты с одним из служащих имения, который, к счастью, в то время случайно в имении не был.

– Мы его подождем, – с усмешкой заявил Махно, – нам спешить некуда.

Три дня Махно хозяйничал в имении; его вольница предавалась безудержному пьянству и удалилась только тогда, когда получила солидную контрибуцию. Уходя, махновцы пообещали завернуть вскоре еще в гости.

В июне к Махно прибыли из Киева анархисты группы "Набат", в главе с анархистом Барон. В том же месяце к шайке примкнуло много анархистов других толков и "социалистов" из разных городов юга России. С этого времени деятельность шайки Махно получает иное направление. Махно мечтает о создании Запорожской сечи, он лихорадочно набрасывает перед слушателями грандиозные планы создания крестьянской республики; анархисты же пытаются придать махновскому движению идейный характер.

Обстоятельства благоприятствовали Махно. Крым и Украина были оккупированы иноземными войсками, которые крестьянское население ненавидело. Полицейские и гражданские власти

гетмана наводили порядок в селах: в села заходили карательные отряды "для наведения порядка", причем производили аресты, а иногда и расстрелы крестьян. Кроме того, из городов возвращались помещики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись с крестьянами, мстя им за те убытки, которые они понесли в своих разоренных поместьях. Крестьяне все больше и больше ожесточались и искали защиты у разных атаманов, как это было в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях; на юге же все симпатии были направлены к смелому и решительному Махно.

К этому следует добавить, что в июне месяце военным министром гетмана, генералом Рагоза, был издан приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени, с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только понизило количественно армию гетмана, но и создало врагов армии, чем, как известно, не преминул воспользоваться Петлюра, который и вербовал в свою армию этих офицеров.

Из этой среды вышли наиболее активные атоманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Из них к Махно присоединились прапорщик Петриченко и много других, не менее выдающихся, махновцев.

С каждым днем шайка Махно усиливалась все новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацию. В шайке была пехота, кавалерия, пулеметы и даже артиллерия. Из этих кадров потом и развернулась махновская армия.

Однако под давлением регулярных немецких отрядов, Махно был вынужден отходить от крупных городов, к которым постепенно подбирался, и опираться исключительно на села, вербуя в свои ряды крестьян. Партизанскую войну на юге России Махно начал с того, что стал нападать на карательные отряды, грабить поезда, захватывать железнодорожные станции, уничтожая небольшие гарнизоны немцев и полицейских властей гетмана. Смелые и неожиданные нападения Махно всегда сопровождались неизменными успехами. Его имя стало именем крестьянского героя.

"Идем к Махно" – сделалось лозунгом крестьянских масс.

В дальнейшем, поощренный успехом, Махно перешел почти к открытой войне с немцами и австрийцами. Австрийцы были так терроризованы махновцами, что боялись показываться дальше Екатеринослава и стали отзывать из сел и небольших городов свои отряды; но немцы взглянули на это иначе.

Дерзкие нападения Махно выводили из себя высшее немецкое командование в Киеве, и, по его приказу, для полного уничтожения отрядов Махно, в Новороссии начали сосредоточивать крупные воинские силы.

Под давлением немецких отрядов Махно отступил и в Александровском районе попал в кольцо. Однако, немцы и на этот раз остались верными своей тактике: они слишком много времени потратили на артиллерийскую подготовку общей атаки. Махно, испытав действие сосредоточенного артиллерийского огня и понеся большие потери, сумел все же найти выход из кольца охвативших его немецких войск и с небольшим уцелевшим отрядом ушел, сделав в одну ночь переход более чем в 60 верст.

В особом приказе немцы торжественно объявили: "Бандит Махно уничтожен", но уже на пятый день Махно вырезал захваченный им врасплох отряд австрийцев возле станции Константиноград и заставил всех офицеров, взятых в плен, в том числе и начальника отряда, играть с ним в карты в течение двух суток, после чего офицеров расстрелял, якобы за то, что они осмелились его "обыграть".

В октябре начался отход с Украины сперва совершенно разложившихся после революции австрийцев, а затем и немцев. Отход принес Махно ряд побед над теми и другими, а, главное, дал в его руки огромное количество вооружения и всевозможного технического снаряжения.

Трудно сказать, во что обошлось немцам и австрийцам знакомство с Махно. По официальным данным гетманских властей, за апрель-июнь месяц Махно совершил 118 налетов и грабежей, сопровождавшихся человеческими жертвами. Но все эти налеты, грабежи и нападения на эшелоны уходивших домой немцев и австрийцев кажутся незначительными по сравнению с первым захватом гор. Екатеринослава в декабре 1918 года.

С этого дня имя Махно приобрело всероссийскую известность. Он "с боя" взял город, выпустив по нему до двух тысяч снарядов из шестидюймовых, отнятых у немцев, орудий. Петлюровцы, только что занявшие Екатеринослав, разбежались в паническом страхе, и население оказалось во власти махновцев.

Это был такой разгром цветущего города с пятидневным грабежом, которого до того еще не видел ко всему, казалось, привыкший юг России.

Трудно подвести итоги всему тому, что сделал Махно за девять месяцев, но несомненно то, что немцы и австрийцы заставили Махно изучить все оттенки партизанской войны, изучить в совершенстве самые глухие места днепровских плавней,

таких своеобразных в Таврической и Екатеринославской губернии, все леса и прилески. Недаром знаменитый Черный бор, лес Гаркуши, назван теперь "гаем батька Махно".

Попустительство гетманского правительства помещикам и крутые меры последних вынудили Махно выступить на защиту крестьян. И если бы не эта недальновидная политика, может быть, не было бы и махновщины. Она так тесно связала Махно с крестьянами, что все испытания последующих четырех лет не могли нарушить и порвать эту связь.

Борьба с немецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, приучила их делать смелые нападения, производить разведку, находить и использовать слабые стороны своих противников, наносить им быстрые и короткие удары, а затем так же быстро скрываться, как и нападать.

Но самое главное – борьба эта создала в крестьянской массе легенду о "неумирающем запорожце батьке Махно", который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этим заканчивается партизанский период жизни Махно. В дальнейшем он начинает играть крупную роль в ходе гражданской войны на юге России.

IV. "Батько Махно"

Кто хоть раз видел батько Махно, тот запомнит его на всю жизнь.

Небольшого роста, с землисто-желтым, начисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной черной пиджачной паре, барашковой шапке и высоких сапогах – Махно напоминает, переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом.

По первому впечатлению, это – больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды.

И только небольшие, темнокарие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, – глаза, как бы все знающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, – вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и тщедушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно – человек воли, импульса, страстей, которые бешено кипят в нем и которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской.

Махно не оратор, хотя и любил выступать на митингах, которые по его приказу устраивались на площадях и в театрах захваченных и разоренных им городов. В речах Махно нет даже демагогии, казалось бы, столь необходимой в его положении. Мне приходилось часто наблюдать Махно во время митингов, и я видел, как чутко слушает его буйная и хмельная толпа, как запоминается каждая его фраза, подкрепленная энергичным жестом, как влияет, словно гипнотизирует Махно крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу…

Вот Махно на площади. Он окружен своей всегдашней свитой. Здесь и теоретики анархизма – Волин, Артен и Барон, и красавец Лященко, в матросской шапке и высоких шнурованных ботинках со шпорами, и Гуро, тонкий как шест, и гориллобразный палач Кийко, и массивный Петриченко с круглым, как луна, рыхлым лицом, и много других…

Махно говорит резко, нескладно, то понижая, то повышал голос, повторяя за каждой фразой, состоящей из 5-10 слов, свою постоянную, полную гнева, фразу: "и только"; он говорит о неизбежной гибели городов, о том, что города не нужны в жизни

свободных людей, о необходимости горожанам, не исключая рабочих, к которым Махно вообще относится холодно, сейчас же, немедленно бросать города и итти в села, степи, леса и там строить новую, свободную, крестьянскую жизнь…

После Махно, почти всегда, выступает Волин. Убедительность доводов, которыми оперирует старый теоретик анархизма, искусное построение речи, рассчитанное на понимание аудитории и умение угадать тайные желания этой толпы, необычайный пафос, равный по силе, может быть, только одному Троцкому, – все это проходит куда-то мимо толпы, завороженной нескладной речью батько Махно.

И Махно это знает, чувствует, понимает. Он стоит у всех на виду, спокойный и самоуверенный, и лишь одними глазами, неизменным, до боли колючим взглядом, лениво скользит по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее, складка на губах Махно, выражает не то удовольствие, не то презрение, а может быть, и то и другое вместе.

Не спеша, Махно поворачивается, чтобы уйти или сесть на тачанку (он обыкновенно не дослушивает речей Волина до конца), и сгибаются могучие фигуры Кийко и Петриченко, только что демонстрировавших револьвер, из которого был убит подлинный контрреволюционер Григорьев, а толпа, как один, тянется к Махно, давя друг друга, и безумно, в исступлении ревет, со слезами на глазах:

– Батько, наш батько!…

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшие Махно, а толпа все еще продолжает орать:

– Батько, наш батько!…

Много и долго говорят потом Волин, Артен и Барон; говорят все о том же, что власть – зло, что анархия – мать порядка, что все люди равны и т. д.; но постепенно толпа начинает забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляют, что не только Махно, которого они завтра могут убить, но и весь мир им нипочем; и, слыша это, Волин, а за ним и другие ораторы незаметно исчезают, боясь, что дикая и безбожная толпа расправится с ними, как с "кадетами" или большевиками.

После митинга махновцы, распаленные речами безответственных ораторов, наводят ужас на мирное население тем, что стреляют из винтовок и пулеметов, неизвестно куда и зачем. Во время стрельбы они выпускают в невероятном количестве патроны, а еще больше поглощают самогон и вина из разгромленных складов…

Махно властен и непоколебим. Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле.

Махно испытывает бешеную, безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов; его глаза горят восторгом от взрыва тяжелых снарядов на улицах города. В Махно – жестокая потребность наблюдать мучительную смерть часто совершенно невинных людей.

Я вспоминаю трудно передаваемую, кошмарную картину. Но в ней – весь Махно…

Перед Махно стоит оборванная группа стражников, с текущей по лицам кровью. Запуганные и избитые стражники дрожат мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встретиться с острым взглядом Махно, который, хищно изогнувшись, смотрит на них в упор горящим, безумным взглядом.

Долгая пауза…

Махно быстро выдергивает руку из кармана брюк и почти кричит:

– Порубить их – и только…

Не успел еще смолкнуть резкий голос батько, как палач Кийко взмахнул острой шашкой и стал неумело рубить несчастных, нанося им удары по несколько раз, словно срубая кочаны капусты. Забрызганный кровью Кийко устал, вспотел, едва переводит дух. Его сменяет более ловкий смеющийся Лященко, которому помогают любители из махновского конвоя.

Махно с блуждающей рассеянной улыбкой спокойно наблюдает, как "работают" его молодцы, и больше ничего нельзя прочесть в его остром взгляде.

Но вот вместо испуганных, но живых людей, куча кровавых изуродованных тел. То там, то здесь валяются отрубленные головы и руки с судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается с места, собачьей рысью подбегает к этой куче тел, носком сапога сбрасывает попавшуюся на дороге голову, вскакивает на грудь, на живот убитых, топчется, пачкая сапоги в крови, и затем почти спокойно говорит:

– И только…

Еще раз, торжествующий, гневно и злобно, точно спрашивая кого-то, кричит он свое "и только", подбегает к другой группе изрубленных тел, топчет их, повторяя все сначала.

Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин,- а к ним он падок,- ни плач детей, ни клятвы мужчин.

Впрочем, бывают и исключения, но они допускаются чаще всего для актеров, реже – для приказчиков, и еще реже – для людей, умеющих каким-нибудь отчаянным поступком поразить Махно.

Однажды стражник, в тот момент, когда Кийко замахнулся на

него шашкой, как-то ловко ударил палача ногой в живот, так что Кийко долгое время находился в глубоком обмороке. Махно был так поражен смелым поступком стражника, что милостиво даровал ему жизнь и даже отпустил его домой, после того как стражник отказался у него служить.

Но таких счастливцев бывало мало. Обыкновенно те, которые попадали в плен к Махно, живыми не возвращались.

Трудно найти даже в среде повстанческих атаманов равного Махно по жестокости. Ко всему этому следует добавить неизмеримое болезненное тщеславие, которым, несомненно, болел Махно. Он не выносил никакой конкуренции, ни даже намека на нее.

Никто не смеет, не может быть грознее, – что значит и жесточе, – чем он, "батько Махно"…

V. Женитьба Махно

1918 год принес батько Махно не только кровавую славу, но и жгучую любовь странной девушки.

Душа женщины – загадка, ее сердце – тайна. И потому не будем решать, как могла красивая, интеллигентная девушка, из богатой семьи, курсистка, прекрасная музыкантша и очаровательная собеседница, отдать невзрачному на вид бандиту – Махно – свою первую любовь, молодость и красоту. Лучше расскажем, как произошла роковая для Махно встреча с его будущей женой, как стихийно вспыхнула в их сердцах нечеловеческая любовь и как праздновал Махно свою свадьбу.

Еще дымились остатки разбитых тяжелыми снарядами домов, еще шел грабеж богатого города Екатеринослава, пьяные махновцы жадно сваливали на подводы все, что выносили из домов, еще влачила по опустошенным улицам свою черную мантилью смерть, а у всех жителей было одно желание, одно стремление, один порыв: бежать из города…

Но не так легко было уйти из города смерти и грабежа. Для этого необходимо было получить пропуск "коменданта" города, которым был назначен палач Кийко. Возле дверей дома, где помещалась его канцелярия, в громадной толпе стояла девушка, которая невольно обращала на себя внимание и невольно вызывала сочувствие всех, кто стоял в очереди. У нее было прелестное, матово-розовое с правильными тонкими чертами лицо, ласковые темносерые красивые глаза с длинными ресницами, стройная и изящная фигура. Слабая улыбка освещала ее лицо и делала его детски-милым.

С ней часто заговаривали то один, то другой из ее случайных соседей, и она охотно, с милой улыбкой, поддерживала разговор. Из ее ответов можно понять, что она едет из Киева, где стало невозможно продолжать учиться в высшем учебном заведении, и по дороге случайно задержалась в Екатеринославе, а теперь торопится домой, чтобы повидать родных.

Томительно и скучно проходят часы стояния в очереди; уже стемнело, а толпа все стоит на улице, не подвигаясь к заветной двери. Проходивший мимо молодой махновец, как и все, невольно залюбовался красивым лицом девушки и после недолгого раздумья подошел к ней, предложив провести к коменданту. Девушка, слегка смутившись, пошла за ним, – и вот она перед Кийко, которому объяснила, что хочет ехать домой к родным.

– Мне нужен пропуск.

Кийко развязно и бесцеремонно рассматривает ее и говорит с улыбкой на угрюмом лице:

– Выдача пропусков на сегодня закончена.

В это время в комнату Кийко вошел Махно, который, не снимая высокой шапки, уставился на девушку острым и недобрым взглядом. Девушка невольно, словно испугавшись, подалась назад, а Махно вдруг резко выкрикнул:

– Вы ночуете у меня – и только…

Затем повернулся и ушел, не выслушав ответа девушки. Вскоре за девушкой пришел некий Козельский, интимнейший друг Махно, и увел девушку к своему другу.

– Вы не бойтесь… он вам ничего не сделает, – ободрял ее Козельский.

Эта ночь была для Махно роковой. Вначале все шло хорошо. Девушка охотно ела, пила чай, отвечала на вопросы Махно и сама их задавала, а когда Махно в порыве откровенности, показал ей рубцы от кандалов на своих руках,- порывисто, почти рыдая, потянулась к Махно и долго рассматривала и гладила грубые рубцы своими маленькими руками, а Махно, растроганный нежной лаской, тихо рассказывал ей о своей жизни на ненавистной каторге.

Они так близко сидели друг возле друга, что, когда наступила пауза, девушка смущенно отодвинулась от него и попросила указать ей место для ночлега.

Махно моментально изменился: на миг мелькнуло в нем что-то человеческое, но снова он оказался во власти своих звериных страстей; он грубо бросился к девушке и обнял ее, но девушка была не из робких.

– Оставьте меня, – закричала она, – пустите…

Но Махно все крепче обнимал ее и тянулся к ее губам.

Девушка с силой ударила его по лицу…

Махно, взбешенный пощечиной и сопротивлением, отскакивает в сторону; его мозг с лихорадочной быстротой заработал в изобретении для нее самых невероятных мучений.

– Зажарить ее после всего я хотел, и только, – не раз сознавался потом Махно.

Но слезы девушки, стекавшие по красивым пальцам, закрывавшим ее лицо, почему-то так поразили Махно, что он, с непонятной для него нежностью, стал мягко отнимать руки от ее лица.

– Не плачьте, – говорил он, – вы любите кого-нибудь?

– Нет…

И она доверчиво рассказала ему, что она чуть было не вышла замуж за офицера-летчика, который необычайно смело летал на

аэроплане и, кажется, искренно любил ее, но когда узнал, что она – еврейка, взял отпуск и уехал.

– Разве вы – еврейка? Я бы никогда этого не сказал! Как вас зовут?

– Соня…

И Махно стал горячо говорить ей об анархизме, о красоте борьбы за идеалы, которые стремишься воплотить в жизнь, о той ответственности, которая падает на таких активных борцов за счастье народа, как он.

Так беседуя, они просидели всю ночь до утра, – и эта ночь связала их сердца.

– Пора за работу, – подымаясь, сказал Махно, и приказал пустить к нему делегацию железнодорожников, которая давно ожидала его в коридоре. После соответствующего приветствия, глава делегации, по-видимому, инженер, горячо, толково старался объяснить Махно необходимость некоторых мероприятий для того, чтобы устранить прекращение движения поездов.

Махно небрежно прервал его деловую речь, встал со стула и спокойно заявил:

– Я езжу на тачанках, и мне ваших поездов не нужно – и только…

Озадаченные железнодорожники, испуганно пятясь, откланялись и вышли. Махно приказал вернуть главу делегации.

– Делайте у себя все, что хотите, – сказал он, – а для меня и моего штаба приготовьте через час поезд с двумя паровозами – и только…

Весь день Махно был занят работой. И весь день, не выходя, Соня просидела в его штабе. Невольно она заинтересовалась кипевшей вокруг нее жизнью, и ей показалось, что воистину что-то огромное и нужное совершается в этой комнате этими простыми на вид людьми. С махновцами она сошлась близко, беседуя с ними как бы со старыми знакомыми…

Махно только вечером, когда собирался уезжать на вокзал, где его давно ожидал поезд, нагруженный награбленным добром, вспомнил о своей знакомой и предложил ей ехать вместе.

Она покорно, словно это так и надо, пошла за ним. Махно усадил ее рядом с собой на тачанке, и вдвоем, без верного Лященко, поехали они на вокзал…

У подъезда вокзала Махно был встречен комендантом станции, который, показывая на стоящих вблизи под стражей восемь человек, доложил, что это – пленные петлюровские офицеры.

– Порубить их, и только, – распорядился Махно, вылезая из

тачанки.

Соня быстро выпрыгнула вслед за ним и горячо, держа за руку Махно, стала просить пощадить пленных офицеров.

– Прогнать… Отпустить их, и только… – бросил Махно конвоирам, подымаясь по ступенькам крыльца вокзала.

Конвой Махно разместился в классных вагонах, для батьки был отведен служебный салон-вагон, попавший сюда с сибирской магистрали, а Соню устроили в небольшом купэ.

Когда вечером Махно зашел к девушке, то был поражен тем, как мило и уютно устроилась его спутница в купэ. На стене скромно приютились две фотографии и три открытки, а на столе, покрытом белой скатертью, кипел самовар и стояли всевозможные закуски, присланные услужливым Кийко. Соня радушно угощала батьку, смеялась и шутила, довольная отъездом из злополучного Екатеринослава.

И снова, как и вчера, они пробеседовали всю ночь напролет. И когда поутру уставшая Соня попросила его оставить купэ, он покорно вышел к себе и долго ворочался на диване пока не заснул.

Три дня пробыл Махно в Синельникове, занятый военными распоряжениями. Однако, он не забывал своей спутницы, часто заглядывал в ее уютное купэ, в котором она, видимо, чувствовала себя как дома.

Со скуки Соня завязывала знакомства с Махновскими приближенными. Вот только что она была в вагоне, где живут Гуро, а сейчас она смеется и о чем-то весело болтает с рослым красавцем Лященко, пряча от холода подбородок в меховой воротник.

Махно из окна вагона любуется ею. Но вдруг лицо его темнеет. Что это? Лященко нагибается к ней, как будто хочет заглянуть ей в глаза, а может быть, он хочет поцеловать ее. Кровь бросается в голову, темнеет в глазах…

Один миг – и Махно на площадке вагона, стремительно сбегает по нескольким ступенькам и, не спуская недобрых глаз с лица Лященко, пытается выхватить кольт. Лященко смущен, как бы пятится назад, пугливо озирается по сторонам. Вдруг раздается выстрел – из кармана брюк Махно показывается дым. Махно, на ходу вынимает из-за пояса брюк револьвер, нечаянно произвел выстрел, но так удачно, что прострелил себе лишь брюки и шубу, да ожег ногу возле паха. Лященко с испугом и недоумением бросился к озадаченному Махно, но, получив удар ногой в живот, попятился назад.

На Соню этот выстрел произвел потрясающее впечатление. Сначала она стоит, как окаменелая, не спуская с Махно

спрашивающих, тревожных глаз, а потом быстро подбегает к нему, обнимает его и страстно, порывисто, со слезами на глазах, целует его.

На выстрел из вагона повыскакивали махновцы. У самых ступенек вагона стоят Кийко, Гуро и смущенный, ничего не понимающий Лященко. Все они с недоумением и любопытством смотрят то на Махно, то на Соню. Махно медленно, как бы торжественно, поднимается на площадку вагона и объявляет:

– Братва! Я женюсь, вот вам моя законная жена, и только…

В тот же день махновский поезд, нигде не останавливаясь, летел через Чаплино в Гуляй-Поле. На другой день после приезда в родное село крестили Соню и дали ей имя Нина Георгиевна. Бывший староста и жена священника стали крестными отцом и матерью Сони. А еще через день Махно справлял свою свадьбу. Это было в воскресенье.

С раннего утра от здания сельской школы, где помещался Махно, до церкви середина улицы была устлана дорогими коврами, еще недавно находившимися в екатеринославских гостиных и магазинах, а церковный хор, доставленный из Полог экстренным поездом, стоял на паперти в ожидании жених а и невесты.

Это было в высшей степени любопытное зрелище. На тачанках, покрытых дорогими коврами, по ковровой дороге ехали в церковь Махно, его невеста и почетные гости, по той же ковровой дороге возвращались они обратно, а потом ковры разобрали жители Гуляй-Поля.

Десять дней все село праздновало свадьбу Махно. Десять дней и десять ночей не было никому проезда по ровным полям, окружающим Гуляй-Поле: то махновская артиллерия без устали стреляла боевыми снарядами, возвещая всем о торжестве батьки Махно. Долго будут помнить эту свадьбу не одни жители Гуляй-Поля, ее будут вспоминать и те села, куда залетали тяжелые снаряды ни с чем не считавшихся, обалдевших от пьянства махновских артиллеристов.

Наивысшей точки свадебные торжества достигли, когда Махно, в порыве пьяного восторга, объявил "Гуляй-полевскую свободную народную анархическую республику", а себя – ее первым президентом…

Троцкий, бывший в то время в Киеве, узнав об этом, телеграфно заторопил Дыбенко ускорить свой отъезд к четвертой украинской советской армии. Махно тоже был вынужден по телеграмме Троцкого сократить свадебные и республиканские торжества и заняться завоеванием Азовского побережья и Крыма для советской власти.[1]

VI. Махно на советской службе

При нашествии немцев и австрийцев, которые были призваны на Украину Центральной радой, советский главковерх Антонов, боровшийся с Радой во имя советов, вынужден был отступить с остатками своей армии в пределы Курской и Орловской губ. и здесь выжидать тех событий, которые тщательно подготовлял Х. Раковский. Под видом заключения мира с гетманом, советский дипломат вел переговоры с атаманами повстанческих отрядов, среди которых были Шинкарь, Григорьев и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москве и готовы были по первому требованию двинуть свои отряды туда, куда будет приказано, а пока разрушали тыл гетмана.

В это время штаб Антонова-Овсеенко находился в Орле и помещался в здании кадетского корпуса. Штабом главковерха, который состоял исключительно из кадровых офицеров, был разработан детальный план завоевания Украины; согласно этому плану главнейшая тяжесть в предстоящей борьбе была отнесена за счет повстанцев.

Нужно отдать должное советскому командованию – оно сумело блестяще выполнить намеченный план и так целесообразно использовало повстанческие силы, что для боевых действий Красной армии не оставалось места; Красная армия победоносно двигалась по Украине, по услужливо расчищенной атаманами дороге.

Советское командование, заняв в декабре 1918 года, после отхода немцев, Харьков, почти без сопротивления стало продвигать в киевском направлении повстанческие силы Шинкаря и других более мелких атаманов, сочувствующих советской власти: в Одесском – Григорьева и в Екатеринославском – Махно.

Расчеты, построенные на точном учете борющихся сил, а главное, на настроении крестьянских и рабочих масс, оправдали надежды Москвы: гетмана свергнул Петлюра, Петлюру – повстанческие атаманы, и в результате, за три месяца второй украинской кампании советская власть получила в свое распоряжение не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выход к портам Черного и Азовского морей. Кроме того, советские армии получили возможность теснить казаков, а за ними и добровольцев.

Однако, блестяще выполнив основную роль своего плана, советское командование допустило ряд второстепенных ошибок, впоследствии оказавшихся роковыми.

Советское командование, создав до начала военных действий "украинскую" армию, численностью не более 25 000 человек, не прошедшую боевого обучения и мало дисциплинированную, как, впрочем, и вообще вся Красная армия того периода, не учло расходов этой армии на организацию комендантских команд, штабов и различных частей чисто вспомогательного характера, предназначенных для укрепления тыла, чему советская власть, в противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придает первенствующее значение. В результате, "украинская" армия, разбитая на ряд мелких отрядов, распылилась по всей Украине, ослабляя боевую мощь советов, и красному командованию пришлось довериться политически неустойчивым и преследовавшим исключительно свои цели повстанческими атаманами. Таким образом из отрядов Махно была сформирована 45-я стрелковая советская дивизия, а из партизанов Григорьева – 44-я дивизия.[2]

В апреле 1919 г. состоялось свидание главковерха Антонова-Овсеенко с Махно, обставленное весьма торжественно.

Беседа Махно с Антоновым была продолжительна.

Садясь в автомобиль, Антонов сообщил спутникам, что Махно еще будет полезен советской власти, а его партизанов надо направить не в Крым, а на казаков и добровольцев.

А Махно в это время задумывался над тем, как бы уничтожить своего опасного конкурента Григорьева.

Дыбенко прибыл в Симферополь в качестве командующего четвертой украинской советской армией, каковым до сих пор считал себя Махно, потребовал, чтобы батько явился к нему.

Махно ввели к Дыбенко, который молча протянул несколько оторопевшему батько, привыкшему к почестям, солидную пачку приказов военного революционного совета республики.

– Для чего это? – осведомился Махно, бегло взглянув на приказы.

– Читать… Вы назначены начальником 45-й стрелковой дивизии, а Григорьев – 44-й такой же дивизии.

Махно сначала хотел отказаться, заявив, что он не нуждается ни в каких назначениях, но услышав о Григорьеве, назначение принял. Дыбенко сделал жест рукой, отпуская Махно.

– Я, товарищ, уже послал вам спецов… До свидания.

Возвратившись к себе "в ставку", где-то возле Цареводаровки (он не любил жить в больших домах, напоминавших ему тюрьму), Махно нашел арестованными присланных из штаба армии для формирования дивизии спецов.

– Кто там под арестом? – поинтересовался Махно.

– Да кто их знает, какие-то спецы,- ответил Гуро.

Бывший капитан генерального штаба Васильев представился Махно как начальник штаба дивизии и попросил разрешения представить остальных товарищей по работе.

– Китай! – махнул рукой батько.

Свирепо сдвинув брови, слушал Махно, как Васильев представлял ему начальников оперативного, разведывательного, артиллерийского, инженерного, административного и других отделов и отделений будущего штаба.

После представления Махно поблагодарил всех за желание с ним работать и тут же отправил спецов обратно в сарай под арест, предложив остаться только Васильеву и начальнику артиллерийского отдела. С ними он занялся, главным образом, вопросами о сосредоточении артиллерийского огня по опорным пунктам противника. Знания Васильева и его умение делать необходимые указания махновским артиллеристам на последовавшей после доклада практической стрельбе решили участь Васильева: он навсегда остался начальником штаба Махно, причем Махно, зная слабую сторону Васильева, держал его неизменно в полупьяном состоянии, что поручено было Кийко.

Остальные чины штаба, после недельного ареста, были пешком отправлены в Симферополь с приказом больше никогда не возвращаться.

Все должности в штабе были распределены между ближайшими помощниками Махно, причем он сформировал свой штаб не по штату штаба дивизии, а по штату штаба армии, назначив председателем реввоенсовета армии анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объяснениями, по данным Дыбенко приказам, Махно усидчиво принялся за изучение администрации Красной армии – ив этом отношении достиг многого. В то же время Волин энергично заработал по организации штаба, поставив агитационную и разведывательную части на должную высоту.

VII. Махно и Григорьев

Разгром Екатеринослава не прошел бесследно для махновцев: его богатая добыча привела к полной бездеятельности махновскую армию. Правда, махновцы, по инерции еще могли занять часть Азовского побережья, где им не оказывалось почти никакого сопротивления, но перешагнуть через Акмонайский рубеж, обороняемый ген. Шиллингом, им было не по силам. Махновцы, встречая со стороны добровольцев организованный отпор, после некоторых безуспешных попыток, оставили Шиллинга в покое и занялись ликвидацией екатеринославской добычи.

Не тем, чем раньше, стал и Махно: он с головой окунулся в радости семейной жизни, мечтал о хуторе и собственном хозяйстве, о том, что пора бросить атаманство и сесть на землю. Об этом он не раз вел беседы со своими приближенными, восхваляя перед ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, как и рядовые махновцы, позабыв обо всем, предавались безудержной, бесшабашной жизни.

Без конца лилось вино, гремела музыка. Столица Махновской республики Гуляй-Поле, переименованная в честь батьки в "Махноград", переполненная тысячными толпами празднично гуляющего народа, напоминала крикливую, пеструю ярмарку.

В толпе сновали неизвестно откуда появившиеся темные дельцы, скупали за бесценок драгоценности и старались выдумать для махновцев все новые и новые удовольствия.

Открывались картежные притоны, где проигрывались колоссальные суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерские, появились портные "из Варшавы" и сапожники; махновцы делали маникюр, щеголяли невероятными прическами, над которыми ломали головы доморощенные "Жаны из Парижа", выливали на щегольские френчи флаконы духов.

Деньги и драгоценности пускались по ветру как пух. Махновцы не знали счета деньгам, и не прошло трех месяцев, как махновцы прогуляли, пропили всю екатеринославскую добычу. Постепенно предусмотрительные дельцы стали покидать махновскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угар проходил. Наступали серые, унылые будни.

К этому времени и Махно стал уставать от радостей семейной жизни. Мечты о собственном хуторе потускнели. Махно все больше и больше начали раздражать те похвалы, которые расточались советской прессой атаману Григорьеву.

"Григорьев взял Херсон…" "Григорьев взял Одессу…"

"Григорьев победил Антанту…"

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьев – революционный герой. Махно видел, что на небе гражданской войны взошла новая яркая звезда, в лучах которой меркнет его слава.

Махновцы, разгруженные от екатеринославской добычи, не желающие итти на простой, случайный грабеж, все назойливей и нетерпеливей указывали Махно на Григорьева и даже промеж себя поговаривали о том, что пора итти к новому атаману…

Перед Махно встал вопрос: чем и как удовлетворить непомерно разросшиеся аппетиты своей шайки? Нужен был какой-то выход, иначе от него уйдет к опасному конкуренту все, что есть лучшего в шайке. И Махно задумал коварный план: спровоцировать Григорьева на совместное выступление против советской власти.

Этим Махно достигал двоякой цели: уничтожал соперника и завладевал его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы.

И вот, Махно посылает к Григорьеву своих "дипломатов" – Козельского и Колесниченко, с которыми передает атаману свой братский привет и вместе с тем порицание за отступничество от "подлинных заветов революции".

Махновские "дипломаты", встреченные с торжественной помпой "двором" Григоьева, с успехом выполнили возложенную на них миссию. Они легко сговорились с легкомысленным Григорьевым, который и сам не раз, до приезда махновской делегации, задумывался над тем, что ему пора разойтись с большевиками, которые не оценили его "заслуг перед революцией" и, по распоряжению "какого-то актера Домбровского", выгнали его вон из Одессы.

Во время первого свидания с махновской делегацией Григорьев колебался дать определенный ответ: он не сказал ни да, ни нет. Но по возвращении из штаба 3-й советской армии, куда его вызывали для служебных объяснений, Григорьев решил встать на скользкий путь, на который его толкнул Махно. В штабе армии Григорьеву объявили, что он всего лишь начальник 44-й советской украинской стрелковой дивизии, чем было чувствительно задето честолюбие Григорьева, который мечтал о посте чуть ли не главнокомандующего войсками на Украине.

Вследствие этого он, по возвращении в свой штаб, передал "дипломатам" Махно согласие на выступление против советской власти.

Махно торжествовал и, заручившись согласием Григорьева, стал рыть ему яму.

Началась подготовка к совместному выступлению: разрабатывался общий оперативный план, Григорьев развил среди населения деятельную агитацию и открыто заявлял, что он скоро примется за уничтожение "ненавистных народу коммунистов".

Большевики, догадываясь о заговоре Григорьева и Махно, но ничего определенного не зная, накануне выступления вызвали Махно для переговоров, причем последний, конечно, поклялся в верности Москве, а на другой день 4 мая, Григорьев, рассчитывая на Махно, открыто выступил против большевиков под лозунгом: "власть советам, но без коммунистов". Выступление Григорьева не на шутку встревожило советское командование на Украине. Силы восставших не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиков. Симпатии населения, которому Григорьев передал часть мануфактуры из числа захваченной им в Одесском порту, также были всецело на стороне восставших. Однако в самом начале выступления Григорьев допустил непоправимую ошибку.

Григорьев приказал своему начальнику штаба Тютюнику (впоследствии много нашумевшему петлюровскому атаману) наступать с большим отрядом в сторону Харькова и Киева. Тютюник, после демонстраций в сторону этих городов, предал Григорьева. Он повернул на Каменец-Подольск и навсегда перешел на сторону Петлюры.

Вместо того, чтобы ударить по беззащитной Одессе, где кроме штаба с ротой китайцев и двух бронепоездов, ничего не было, Григорьев, соблазненный обещаниями Махно о совместных действиях против Крыма и Екатеринослава, уклонился к Елисаветграду, где и произвел еврейский погром.

За это время советское командование быстро оправилось от предательского выступления, вырвало инициативу из рук Григорьева и с бронепоездами, которых у Григорьева не было, а также с помощью махновской вольницы, перешло в решительное наступление.

Возле Елисаветграда, а затем под Лозовой Григорьев потерпел жестокие поражения и потерял все, что вывез из Одессы.

Однако Махно не удовольствовался доставшейся ему григорьевской добычей,- ему нужна была смерть Григорьева.

Снова Козельский у Григорьева. Снова коварный "дипломат", отрицая участие махновцев в разгроме Григорьева, уговаривает его встретиться, чтобы разработать план дальнейшей борьбы с коммунистами.

Потерявший голову Григорьев снова попался в расставленные сети. Махно устроил в сарае митинг, на котором Лященко

предательски убил Григорьева.[3]

Махно торжествовал полную победу.

В то время как шла борьба Григорьева с большевиками, началось осторожное продвижение добровольцев в Донецкий бассейн и завязались кровопролитные упорные бои, которые, как известно, привели к тому, что большевики были вытеснены из Донецкого бассейна…

Неблагоприятно для большевиков складывалась обстановка и на Керченском полуострове. Красная армия не смогла перешагнуть через Акмонайский рубеж. Надежды на восстание в Керчи и других местностях не оправдались; восстание быстро и решительно подавил энергичный генерал Ходаковский, который, сменив раненого в грудь генерала Шиллинга, с отрядом в 3 500 чел. взял Феодосию и, после ряда боев, заставил большевиков быстро отступить на север.

Дивизии Махно было поручено занять Мариупольский фронт. Махновцы, влившись в большевистский фронт, быстро разложили соседние дисциплинированные и, в общем, довольно стойкие советские войска. Генерал Май-Маевский медленно подвигался вперед, и махновцы, встречая организованный отпор, а в особенности при появлении танков, бежали с фронта, увлекая за собою и советские войска. Южный фронт большевиков зашатался. Началось стремительное наступление добровольческой кавалерии. Красная армия отступала к Орлу.

В это время Махно продолжал вести с советской властью такую же двойственную и коварную игру, какую вел с Григорьевым, и на все требования Москвы подтянуться, он, ведя явную антисоветскую агитацию в деревнях, отвечал все более и более неприемлемыми требованиями.[4]

Первым понял, в чем дело – Троцкий.

Главнокомандующего Вацетиса сменил ген. штаба полковник Каменев, которому впоследствии суждено было закончить благоприятно для советов борьбу на всех белых фронтах.

Троцкий из Харькова потребовал, чтобы Махно лично явился к нему, но хитрый Махно послал для переговоров делегацию. Тогда Троцкий приказал расстрелять делегацию, а Махно и Волина объявил вне закона, как изменников рабоче-крестьянской власти.

Так кончилась служба Махно у большевиков.

VIII. Махно – петлюровец

Разрыв с советской властью Махно предвидел еще задолго до посылки к Троцкому депутации.

На это указывает предательское для коммунистов отступление махновской дивизии на северо-запад в сторону Волочиска, тогда как по общему плану отступление предусматривалось на Донецкий бассейн, в сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновских агентов по дискредитированию советской власти, что, конечно, не могло быть секретом для большевиков.

В первых числах августа 1919 года махновская армия, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелых боев с добровольцами и обремененная значительным числом раненых, достигла линии петлюровского фронта Калинковичи- Казатин.

Махно немедленно приступил к переговорам с петлюровским командованием о сдаче на попечение украинского Красного креста раненых махновцев, которых он, вопреки обычаю, не смог вследствие быстроты отступления передать на попечение крестьян.

Переговоры вскоре увенчались успехом, хотя и без санкции Петлюры, пожелавшего, очевидно, сохранить в отношении Махно свободу действий на случай удачных переговоров с Деникиным, которые в то время, под шумок, уже вел этот пресловутый "головной атаман".

В результате переговоров с Махно были приняты не только все раненые, но и самому Махно, с остатками его армии, было предложено занять возле Умани отдельный участок на петлюровском фронте. Махно, заняв участок фронта, попал в совершенно родственную для махновцев обстановку.

Все эти "курени смерти", разные "черно-красно-серошлычники" и другие с не менее эффектными названиями полки, составлявшие как бы гвардию петлюровских войск, по существу были худшим видом партизанов, не останавливающихся перед любым видом насилия; и понятно, что вольница Махно, с ее полным отрицанием даже признаков дисциплины, которая в петлюровских войсках все же существовала хотя бы в отношении деления чинов армии на казаков и старшин (офицеров), привлекла к себе все симпатии, и скоро началось дезертирство к махновцам, значительно пополнившее состав махновской армии.

В то время на петлюровском фронте было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись бесчисленные обозы отступавших из Крыма и Одесского района советских войск,

перегруженных многочисленными семьями коммунистов из оставленных районов, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозов, с рассыпанными среди них мелкими единицами войск, деморализованных быстро разразившейся военной катастрофой, лишенных возможности рассосаться среди местного населения, были заняты одной лишь мыслью: как можно скорее достигнуть линии Чернигов-Брянск и тем спасти себя от окончательного разгрома.

Эти-то обозы большевиков и привлекли все внимание петлюровцев.

Петлюровцы, а с ними и Махно, не удаляясь слишком далеко от линии своего фронта, ежедневными короткими наскоками наносили проходившим большевикам чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирепо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колонн большевиков, часть которых они сами так недавно еще составляли.[5]

В результате, Махно быстро пополнил всю материальную часть армии, в особенности лошадей, в которых он тогда нуждался, а также увеличил численный состав армии за счет пленных красноармейцев и петлюровцев.

Вот тут-то Махно и пригодились приказы, полученные им от Дыбенко в Симферополе.

Махно лихорадочно начал работу по реорганизации своей армии, не задевая своих свободолюбивых махновцев ломкой нравившегося им внешнего порядка.

Между тем, для советской власти события принимали все более и более грозный характер. Деникин взял Курск и подходил к Орлу.

Казалось, революция кончена, и настали последние дни большевизма.

Но, углубляясь на Украину в поисках сочувствия у населения, привыкшего владеть собственной, а не общинной землей, стремясь использовать живые силы этого населения и получить хлеб, Деникин, вместе с тем, не посчитался с пронесшимся по всему этому обширному краю вихрем национального подъема, принявшим во многих случаях нездоровую окраску крайнего шовинизма.

Рассматривая все украинское движение лишь как кабинетно-надуманное изобретение кучки интеллигентов зарубежного происхождения, Деникин допустил открытое столкновение с петлюровцами в первый же день занятия Киева из-за поднятия флага над зданием городской думы.

Это столкновение привело впоследствии к образованию

нового фронта, потребовавшего оттяжки значительных сил за счет главного, и, кроме того, у армии с этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тыл.

Не повторяя здесь ставших уже общеизвестными обстоятельств, приведших, в конечном результате, к разгрому деникинского движения, укажу лишь кратко на то, что слишком длительное оставление деревень и сел без государственной власти создавало на местах чистейшую анархию, доходившую до кошмарных размеров от произвола военных властей, среди которых нашли себе место авантюристы всех оттенков.

Эти ошибки скоро привели к полнейшему расхождению, а затем и к открытому выступлению крестьянских масс против Деникина.

Итак, вскоре начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причем впервые махновцы познакомились с действием нового орудия гражданской войны – бронепоездами, с установленной на них мощной тяжелой артиллерией.

Махновцы вообще не выносили действия артиллерии, а огонь с быстро и притом совершенно неожиданно появляющихся бронепоездов заставлял их разбегаться куда глаза глядят.

Махно это видел и упорно начал искать выхода из тяжелого положения, угрожавшего ему гибелью.

Махно совершенно ясно видел, что среди украинцев ему не то что первой, но даже и последней скрипки играть не придется, и он решил изменить Петлюре, как раньше изменил Григорьеву, а затем советской власти.

Между прочим, 18 августа 1919 года, на рассвете, при производстве смелой разведки, был опознан и убит одетый в кубанскую бурку и шапку родной брат Махно, Григорий Махно.

Долго после смерти брата вымещал Махно свою ярость над тяжело ранеными офицерами, попавшими лишь в таком состоянии в его руки, так как каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену.

Махно в то время не знал пощады для офицеров, и для его палача Кийко было достаточно работы по устройству кровавых поминок по брату своего батьки.

IX. Махно в тылу Деникина

К осени 1919 года Махно окончательно усвоил преподанные через Дыбенко уроки Троцкого и успел применить их на практике.

Оставляя без внимания внешний вид своей недисциплинированной армии, он путем упорной и энергичной работы, почти незаметно, успел организовать ее так, что армия уже не была той шайкой грабителей, какой по существу являлась, а представляла собой кадры для подлинно народной партизанской армии. Кроме того, в борьбе со своими противниками Махно начал применять новую тактику.

Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но, главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определил, "перенести борьбу с рельс на проселки, в леса и поля".

Свою пехоту он посадил на четырехколесные легкие тачанки, с установленными на них пулеметами, и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал ездящую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берег и употреблял ее для нападения на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убегавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей летучей армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога…

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идет дальше, он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело двигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти "махновские дни" в тылу добровольческой армии.

Военные и гражданские власти растерялись настолько, что никто и не думал о сопротивлении.

При одном известии о приближении Махно добровольческие власти бросали все и в панике бежали в направлении Ростова и Харькова.

Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла, который по своим последствиям не может быть даже сравним с рейдом Мамонтова.

На сотни верст, с большим трудом налаженная гражданская и административная жизнь в городах и отчасти в селах была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряжения и продовольствия для армии. Нарушены пути сообщения и распущены запасные.

Крестьянская масса с этого момента не только открыто стала в оппозицию к власти Деникина, но и перешла к вооруженной с ним борьбе.

Не оценивая в должной мере махновского движения, генерал Деникин лишь кратко приказал генералу Слащеву: "Чтобы я больше не слышал имени Махно".

Против Махно был двинут корпус Слащева, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагало главнокомандование.

Одним словом, для "ликвидации" Махно были сняты с фронта, быть может, лучшие части добровольцев, но ликвидировать Махно им так и не удалось, несмотря на то, что конница Шкуро в первые же 10 дней столкновений с Махно потеряла до 50% лошадей.

Мне пришлось пешком пройти от Александровска, после нападения на него Махно, до Чаплино и наглядно убедиться в невероятной растерянности властей, которая предшествовала движению Махно.

К утру той ночи, когда Махно неожиданно напал на Александровск, я прошел около 20 верст. Попадавшиеся по пути станции и полустанки были уже брошены, и только поздно утром от оставшегося телеграфиста мне удалось узнать, что все служащие, вместе с государственной стражей, нынче ночью выехали в Орехов.

Оставив полотно железной дороги и свернув на проселочную дорогу, я видел, как на улицах и дворах проходимых мною сел собирались толпы крестьян, горячо что-то обсуждавших и подозрительно меня осматривавших.

Так я прошел весь день. Вечером в небольшом селе меня

арестовали и лишь после заявления, что я учитель и хорошо знаю батьку Махно, отпустили.

Почти до самого Чаплина нигде нельзя было встретить никаких признаков государственной стражи или других представителей власти, и даже в Чаплино, несмотря на наличие в особом поезде воинского отряда, можно было заметить растерянность и нервность среди всех агентов власти, а крестьяне, не стесняясь открыто заявляли, что "скоро явится батько Махно и всех перережет".

Из Чаплино вечером я попал в Бердянск, который в эту же ночь был занят Махно. Еще поздно вечером в гостинице, где я остановился, меня уверяли, что Махно находится где-то далеко, потерпел поражение, что городу ничто не угрожает и что напрасно производили эвакуацию. Мне тогда было не до Махно: измученный продолжительной дорогой, я крепко заснул, но ночью был разбужен артиллерийской стрельбой. Быстро одевшись, я выбежал на улицу…

По тротуарам и мостовой густой толпой неслись военные, срывая на ходу погоны, сбрасывая верхнюю одежду, бросая винтовки. В толпе скакали верховые, громыхали повозки, дребезжали железом походные кухни. Перебежав с трудом бульвар и несколько улиц, я очутился на набережной, где удалось установить, что стрельба велась со стороны кладбища на горе и рыбачьего поселка Лиски. Снаряды рвались над портом и в городе. Стрельба все усиливалась. На набережной стали появляться группы бегущих военных. Из моего убежища во дворе рыбака отчетливо были видны огни кораблей, стоявших на рейде, верстах в 10 от порта. Это были суда, на которых эвакуировались из города гражданские власти и учреждения и которые уже три дня ожидали в море развязки событий. В порту дымил маленький катер, как я узнал впоследствии, "Екатеринославец". У входа в порт стоял броневик и вел усиленную пулеметную стрельбу по атакующим порт махновцам. По всей территории порта рвались беспрерывно снаряды. Скоро махновская артиллерия стала обстреливать порт со стороны города. Катер, наполненный военными, торопливо начал отчаливать от пристани. При повороте катер перевернулся и затонул. Все бывшие на катере погибли.

Сопротивление добровольцев, засевших в порту, было отчаянное, но силы были не равны. Часам к 11 утра порт был занят махновцами, которые затем повели наступление в сторону грязелечебницы. Несомненно, участь города и последовавшего боя решило организованное Махно выступление рыбаков Лисок, захвативших ночью с тыла артиллерию, установленную за

кладбищем.

Два дня по дворам города ходили махновцы, разыскивая офицеров и полицейских и тут же их расстреливали, привлекая для успешности розысков уличных мальчишек, платя за каждого найденного по 100 рублей. Обыватели города испуганно попрятались и, кроме рыбаков из Лисок, участия в событиях не принимали… Так прошло два дня…

На третий день появился махновский комендант города, на четвертый прибыл реввоенсовет армии, а еще через день приехал на несколько часов и сам Махно со своим штабом.

Расстрелы прекратились, стала выходить газета "Вольный Бердянск", а город и жители были объявлены вольными. С первых же дней "вольный" город был наводнен тысячами крестьянских подвод, на которые грузилось из магазинов все, что было, и почти три недели на подводах вывозились снаряды, патроны, оружие, снаряжение, уцелевшие при взрыве складов. Все это везлось крестьянами в свои деревни.

Необходимо отметить, что все крестьяне считали себя настоящими махновцами, а коренной элемент махновской армии они иронически называли "раклом".

Городское население в большинстве относилось к Махно отрицательно: торговцы жаловались на грабежи и плохую торговлю; интеллигенция молчаливо осуждала махновскую власть и пряталась от нее; рабочие и ремесленники считали Махно врагом советской власти; рыбаки, принимавшие вначале активное участие, негодовали на невозможность заняться рыбной ловлей. Одни портовые рабочие громко выражали свое удовольствие, внося в жизнь города свой шумный и пьяный восторг.

В силу близости района военных действий подвоз продуктов в город с первых же дней прекратился. Цены на все съестное начали достигать невиданных доселе размеров, пока не появился краткий приказ коменданта города, гласивший: "Батько Махно приказал, чтобы и хлеб и продукты в городе были".

К вечеру того же дня хлеба было сколько угодно, по цене 3 руб. за фунт, вместо существовавшей цены 5 руб. до махновского прихода. После издания этого приказа подводы приходили с продуктами и уходили обратно с награбленными вещами.

X. Борьба Махно с корпусом ген. Шкуро и с губернатором Щетининым

Быстро откатившись под ударами добровольцев от Мариуполя к Воновахе, а затем в сторону Токмака и Полог, Махно 16 октября 1919 г. покинул Бердянск и, после бомбардировки с моря селений Петровского и Новоспасовки, стал, хотя и медленно, с боем отступать к Екатеринославу. В районе этого многострадального города у Махно завязалась продолжительная борьба со Слащевым.

Упорно задерживаясь на линии Бердянск-Чаплино-Синельниково почти всю вторую половину октября, Махно не сумел учесть сил, стойкости, а главное, уменья Слащева вести борьбу с его партизанами. Не мог Махно предугадать и направление главного удара по своей армии, ожидая его со стороны Таганрога, а получив его со стороны Лозовой.

Не придал Махно и должного внимания густой железнодорожной сети Донецкого бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командование, втянув Махно в борьбу на рельсы, вернее, вдоль рельсового пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которые, усилившись бывшей уже там конницей, перешли к стремительной атаке по всему фронту растерявшихся от неожиданного, энергичного нападения махновцев.

Махно пришлось под ударами всюду наседавшей конницы оставлять четырехугольник: Токмак-Чаплино-Синельниково-Александровск и спешно углубляться в район Днепровских плавней.

Это десятидневное метание из стороны в сторону хотя и заставило выдохнуться конные части Шкуро и загнать почти 50% всех лошадей, но все же нанесло наибольший вред всей армии Махно.

В этих боях погибло много помощников Махно, большая часть кавалерии под командой известного Долженко, почти на 75% уменьшилась пехота, частью погибшая в боях, а в большинстве рассосавшаяся по деревням, да и сам Махно лишь случайно избег плена и казни.

Случилось это, когда проливные, холодные дожди, часто смешанные со снегом, окончательно испортили дороги и даже легкие махновские тачанки стали вязнуть в грязи.

Махно со своим штабом, конвоем и советом армии, размещенными более чем на трехстах тачанках, после тяжелого ночного перехода расположился на отдых, кажется, в с. Ходунцы.

На рассвете его окружила 2-я терская казачья дивизия, которая так неожиданно понеслась в атаку на колонны тачанок, что только с некоторых махновцы успели открыть пулеметный огонь, остановив этим полный охват колонны. Хвост колонны, воспользовавшись заминкой, пронесся по лесу по еле заметной проселочной дорожке, а преследовавшие его терцы наскочили на распустившееся от дождей болото, завязли в нем и не могли преследовать убегавших махновцев.

Все же терцам досталась богатая добыча – более 200 тачанок с лошадьми и награбленным добром, включая сюда и 400 женщин, служивших в разведывательном отделении штаба махновской армии, досталась им и таганка самого Махно, а в ней короткая из черной дубленой овчины шуба с пришитой надписью на холсте: "Батько Махно". Сам же Махно, его штаб и военно-революционный совет исчезли.

С первых дней появления махновских отрядов в тылу добровольцев, в борьбу с ними вступил екатеринославский губернатор Щетинин, в непосредственном подчинении которого находилось несколько отрядов, составленных в большинстве случаев из чинов государственной стражи. Вскоре, однако, стало ясным, что борьба с махновцами была не под силу Щетинину. Его отряды проявляли излишнюю мстительность, раздражая население.

В эту операцию пришлось втянуть дивизию ген. Вицентьева, который, как офицер генерального штаба, не соглашался с методами борьбы, проводимыми губернатором Щетининым; к тому же генерал был недоволен тем, что ради какого-то Махно его на неопределенное время оторвали от работы на фронте. Между губернатором и ген. Вицентьевым начались трения. Вицентьев стал избегать массовых облав, проверок, обысков, а это замедлило быстроту действия карательных отрядов и дало возможность махновцам отдохнуть и произвести переформирование.

В распоряжении губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались в местах операций Махно и имели возможность наблюдать не только ход махновского движения, но и знать активных руководителей крестьянской среды. Вот эти-то агенты, уже не ради личного обогащения, а, испытав на себе и своих близких всю беспощадность махновских расправ, "заработали на совесть", решив раз навсегда покончить с ненавистным Махно.

Благодаря им, у Щетинина имелись тонные данные о подлинной махновщине. Но Щетинин понимал, что удовлетворить крестьян в тогдашних их желаниях, шедших в разрез со всеми государственными интересами, у него не было никакой возможности, остановился на плане уничтожить активные и пришлые махновские элементы и, таким образом, поставив крестьян перед наглядным уроком возмездия за бунт, заставить их, смирясь, подчиниться властям.

Положение осложнялось еще и тем, что в результате операций кавалерии Шкуро, почти в каждом селе накопились сотни махновцев, припрятавших оружие и выжидавших лишь подходящего случая для того, чтобы пустить его в дело. Наступившие вскоре морозы сковали дороги и превратили их вновь в проезжие, а проникавшие всюду махновские разведчики разносили радостные вести, что Махно недалеко и вновь наступает на "кадет". Все это не только не располагало их к примирению и покорности, но повело к ряду разрозненных активных выступлений.

В силу этого почти каждое село приходилось попросту завоевывать, а засевших там махновцев вытеснять в плавни и леса, что роковым образом затягивало дело, создавая неустойчивость положения, и усиливало силы Махно, давая ему возможность не прекращать борьбы со Слащевым.

При назначении общей облавы приднепровского леса с участием двух полков дивизии ген. Вицентьева, у Щетинина имелись точные данные о силах махновцев, скрывающихся в этом лесу после изгнания их из соседних деревень, под общей командой Петриченко.

Начатая с утра облава никаких результатов не дала, и ген. Вицентьев, посмеиваясь над точностью сведений Щетинина, приказал по телефону прекратить облаву и полкам возвращаться на места своих стоянок.

Иначе посмотрел на дело командовавший особым отрядом полковник К. Потратив не мало времени на переговоры с ген. Вицентьевым о продолжении облавы, полковник К. решил закончить ее силами отряда, находившегося в его распоряжении.

Конец облавы оказался далеко не таким, каким представлял его ген. Вицентьев. Уже через l? часа после ухода полков из кустарников за опушкой пройденного леса началась ружейная стрельба, к которой вскоре присоединилась и пулеметная, а затем на растянувшийся небольшой отряд,- кстати сказать, составленный почти из одних стражников и подростков-гимназистов,- махновцы повели атаку. Стражники не растерялись, а встретили атакующих интенсивным огнем.

В самый острый момент атаки, когда враждующие стороны разделяло расстояние 30-40 шагов, перелом и исход боя решил 17-летний гимназист, сын полковника К., бывший у него ординарцем. Мальчик поскакал к обозам, собрал всех, кто там находился, и с организованным таким образом конным отрядом стремительно обрушился на правый фланг дрогнувших от неожиданности махновцев. Вовремя поддержанные стражники быстро перешли в атаку. Через 40 минут почти все было кончено, кустарники пройдены, а махновцы уничтожены.

В суете этой поспешной бойни, вблизи полковника К. какой-то прапорщик в кожаной поношенной куртке, на которой красовались золотые погоны, подбадривал стражников, требовал пулемет, из которого продолжал вести стрельбу стражник по засевшим невдалеке махновцам, говоря, что он сам перебьет этих бандитов. Полковник никак не мог вспомнить, где он видел этого офицера и как он попал в его отряд, но подъехавший в это время сын полковника громко закричал: "Это Петриченко", вихрем наскочил на прапорщика, ударил его по голове шашкой, а стражник в упор выстрелил в Петриченко.

Так погиб один из главнейших боевых помощников Махно при попытке применить свой излюбленный безумно-дерзкий прием, заключавшийся в том, что он проникал в ряды добровольцев, переодетый офицером, и, завладев пулеметом, уничтожал на близкой дистанции добровольцев, давая возможность своим товарищам ворваться в линию врагов.

Вечером того же дня отряду полковника К. посчастливилось захватить еще трех видных махновцев, которые на следующее утро были повешены.

Вскоре после этого Щетинин был уволен от должности екатеринославского губернатора, и борьбу с Махно повел исключительно Слащев.

XI. Махно и Слащев

Ген. Слащев, изгнав Махно из Екатеринослава, упоенный победой, считал вопрос о Махно оконченным.

Самоуверенный генерал сообщил об этом в ставку Деникина и торжественно прибыл в Екатеринослав со всем своим штабом. Но оказалось, что победить Махно было не так легко. В то время, когда по прямому проводу летела преждевременная весть о слащевской победе, Махно возвратился назад и захватил станцию, на которой находился поезд Слащева. Кругом поднялась обычная в таких случаях паника. Махновцы наседали со всех сторон, казалось, что вот-вот Слащев со своим штабом попадет в плен, и только личная храбрость молодого генерала спасла положение: Слащев со своим конвоем стремительно бросился в атаку, отбил нападение и возвратил город в свое распоряжение.

Однако железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно из-за общего отступления остался как бы нейтральной зоной.

Эпизод с неожиданным занятием станции положил начало новой упорной войне Слащева с Махно. В начале махновской кампании Слащеву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда – та легкость победы, в которую поверил и генерал, и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для махновцев были не по плечу затяжные бои, да еще чуть ли не позиционные, где, прежде всего, требуется устойчивость и дисциплина. Махно это учитывал и в борьбе со Слащевым стал применять старую тактику, давшую ему столько успехов в войне со всеми его противниками.

На слащевские войска, которые привыкли к открытым столкновениям, со всех сторон посыпался целый ряд мелких, совершенно неожиданных нападений, которые беспокоили и нервировали добровольцев, не знавших, откуда ожидать удара. Махно появлялся то там, то здесь; сегодня его отряды были в одном месте, завтра они появлялись в другом. Ни днем, ни ночью не было покоя от назойливости махновцев, которые совершали свои налеты с необычайной смелостью, как бы щеголяя буйной удалью…

Все это привело к тому, что добровольцы очутились словно в

осажденной крепости, причем обнаружить осаждавшую армию не было никакой возможности, хотя войска Слащева только и делали, что беспрестанно маневрировали в разных направлениях, в поисках исчезавших, как дым, махновцев.

Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим:

– Братва! С завтрашнего дня надо получать жалованье. И на завтра "братва" действительно получала жалованье из карманов убиваемых ими офицеров. Впрочем, мародерство процветало не только среди махновцев: его не были чужды и слащевцы.

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащева, стремившегося как можно скорее "ликвидировать" Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. В то время белые генералы вели спор о том, кому первому войти в Москву. Однако борьба затягивалась, и, видя это, самолюбивый Слащев решил нанести Махно "последний" удар. Для охвата махновского фронта, по его настоянию, были стянуты все добровольческие части Крыма и Одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки, и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились все смелее и смелее. Слащев сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев.

– Вот это я понимаю,- громко восклицал генерал, выслушивая донесения о нападении махновцев, – это противник, с которым не стыдно драться.

Сперва махновцев, захваченных в плен, обыкновенно вешали, как бандитов, потом стали расстреливать, как храбрых солдат, и под конец их всеми способами старались переманить на свою сторону.

По мере развития операции, у Слащева рос интерес и к личности Махно. Он не пропускал ни одного махновца, чтобы не расспросить его о том, видел ли он Махно и кто он такой, но узнать что-либо положительное о прошлом Махно из сбивчивых и противоречивых рассказов пленных Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство, и у него явилось непреодолимое желание видеть Махно, встретиться с ним и поговорить.

С этой целью Слащев отправил к Махно своего парламентера, которого сопровождал отпущенный из плена махновец. Посланец передал батько, что генерал хочет с ним встретиться, на что Махно ответил:

– Видеться я согласен на митинге, где мы и поговорим, как я раньше говорил с Григорьевым.

Все же страсть Слащева к махновцам от этой неудачи не прошла, и под конец операции у него набралось порядочное число махновцев, которых он и захватил с собой в Крым, где они оправдали возложенные на них надежды и действительно отличались как храбрые солдаты. В ноябре 1919 года начался отход добровольцев от Курска, общая стратегическая обстановка изменилась, и Слащев, не закончив борьбы с Махно, ушел в Крым.

Несмотря на то, что крымская операция покрыла Слащева славой, он не раз, вспоминая Махно, говорил:

– Моя мечта – стать вторым Махно…

XII. Махно и союз его с Врангелем

Знакомство Слащева с махновцами толкнуло его, в крайне тяжелых условиях первого периода крымской эпопеи, искать сближения с Махно. В то время Слащев просто бредил атаманами. Первые попытки не дали положительных результатов, но когда к Махно был командирован полковник генерального штаба Л., более известный под именем атамана Вержбицкого, дело начало налаживаться, и ему удалось связаться со штабом Махно. Перемена отношений Слащева и настойчивость, которую проявляли его агенты в поисках примирения с Махно, крайне поражали последнего, тем более, что ловкий и льстивый Вержбицкий не стеснялся в выборе выражений для похвал махновским талантам и вообще вел себя крайне дипломатично.

Это настроение Махно стремился использовать начальник его штаба Васильев, который в обращении Слащева увидел для себя возможность чуть ли не полной реабилитации перед добровольцами. Он даже перестал пить и сам лично поехал к Вержбицкому.

Встреча Васильева с Вержбицким состоялась в с. Н., в плавнях, и была чисто-приятельская. Тут же на месте были улажены все острые недоразумения, определен район действий лично Вержбицкого, ему было подчинено несколько мелких махновских отрядов и даже предоставлено право формировать новые отряды под прикрытием имени Махно. Васильев пошел еще дальше, заявив Вержбицкому, что, независимо от дальнейших переговоров, с этого момента отношения Махно и добровольцев необходимо считать как союзные. Вержбицкий был упоен успехом, но с отъездом Васильева и прибытием к Вержбицкому нескольких другого склада офицеров от Слащева из всей этой затеи, вначале сулившей успех, ничего не вышло, главным образом, в силу того, что Вержбицкий не обладал волевыми данными, необходимыми для атамана; не нашлось их и у его помощников.

Необходимо припомнить, что Махно, возвратясь домой из каторги, как нельзя лучше сумел использовать то шаткое положение власти, которое из центров передавалось на места.

Осенью 1917 года, вскоре по приезде, Махно был уже председателем волостного гуляй-полевского исполкома. Главной обязанностью в этой должности Махно считал проверку на ст. Гуляй-Поле проходящих поездов, занимаясь при проверке открытым грабежом, пассажиров.

При проверке одного из поездов, в котором, под видом

простых пассажиров, оказалось несколько десятков переодетых офицеров, стремившихся на Дон, Махно неожиданно встретил сопротивление и был вынужден не только спешно оставить поезд, но и, в поисках спасения, бежать из села.

Из этого эпизода раздосадованный Махно создал целую историю о попытке офицеров овладеть Гуляй-Полем и отнять все завоевания революции.

В результате поднятой Махно шумихи, волостной сход решил организовать для защиты революции волостное войско в составе одной роты, подчинив ее Махно, как председателю исполкома. Эту роту Махно организовал в два дня и начал выводить ее целиком на станцию для проверки – вернее, грабежа – поездов.

Быть может, первое махновское войско, переутомив себя грабежом, на этом бы и остановилось, но в то время, по пути на Дон, офицерский отряд известного впоследствии полковника Дроздовского занял Бердянск и начал наводить в городе и его окрестностях порядок. До Дроздовского дошли вести о махновском войске, которое он принял за большевистское, и для уничтожения его послал часть своего отряда в особом поезде.

Как всегда, для встречи прибывающего поезда Махно вывел свою роту, но с подходившего поезда посыпались на роту пули, а когда быстро высадившиеся офицеры открыли пулеметный огонь и повели атаку, махновцы бросились бежать куда попало. Дроздовцы почти без сопротивления заняли Гуляй-Поле.

Махно, лишившись в несколько часов власти и вынужденный скрываться вне Гуляй-Поля, успел собрать оставшихся в живых людей своей роты и с ними направил всю свою мстительную ярость на офицеров. Вскоре после занятия дроздовцами Гуляй-Поля, Махно удалось захватить возле Волновахи поезд, в котором он уничтожил всех, кто хотя бы приблизительно имел сходство с офицерами. Непримиримая ненависть Махно к офицерам оставалась неизменной вплоть до момента, когда Слащеву, через Вержбицкого, удалось ее поколебать.

Этому-то Махно Врангель предложил союз и дружбу.

– Мои союзники- хоть сам чорт, лишь бы он был с нами,- так определял Врангель свое отношение к возможным союзникам.

В связи с таким определением в выборе своих союзников, вскоре изменилась и физиономия штаба главнокомандующего, из которого удалились все старые элементы, которые быть может, были совершенно незаменимы в войне дисциплинированных войсковых масс, но вряд ли могли постигнуть особенности гражданской войны, все ее колебания и разновидности Штаб заполнился молодыми и энергичными элементами, среди которых было несколько офицеров генерального штаба,

побывавших в повстанческих отрядах, как, например, полковник Б., пробывший около четырех месяцев у атамана Зеленого.

Эти перемены дали много положительного в смысле перемены формы ведения борьбы с большевиками, но в то же время принесли и ряд отрицательных результатов.

Дело в том, что к началу 1920 г. в добровольческой армии окончательно народилась идея государственного розыска, главным образом в органах контр-разведки, которые образовали ряд самостоятельных единиц, в некоторых случаях вовсе не признававших распоряжений центра. Личный состав контр-разведки в большинстве "случаев состоял из весьма сомнительного, часто авантюристического и даже преступного элемента, стремившегося вести совершенно обособленную политику.

Справиться с этим злом, а в особенности в короткий срок, штаб главнокомандующего не смог. Между тем, зная сущность дела, штаб поторопился отдать распоряжение о подчинении непосредственно ему, минуя штабы корпусов, всех агентов, оставшихся за фронтом. Это распоряжение внесло крайнюю путаницу и привело к тому, что, когда к Слащеву прибыла депутация от Махно, из состава которой несколько человек, во главе с молодым и энергичным атаманом Вдовенко, были отправлены в Севастополь, в штаб главнокомандующего, контрразведка ген. Кутепова депутацию арестовала и затем всех ее членов повесила на телеграфных столбах города Симферополя.

Такой прием депутации быстро докатился до Махно и страшно озлобил его. Казалось, что все дело лопнуло и что агентам добровольцам не избежать лютой махновской расправы, но Васильев и здесь выручил, сгладив неприятное известие за счет отрицательных сторон Вдовенко, у которого, кстати, оказалось не мало личных врагов среди махновских приближенных.

Извещение врангельской печати, в самый разгар борьбы Врангеля с советской Властью, о заключении союза Врангеля с Махно могло быть продиктовано только полным непониманием сущности махновщины и отчасти просто увлечением штаба Врангеля атаманщиной.

Правда, махновские газеты и прокламации того времени были наполнены горячими призывами к крестьянам не доверять и не помогать коммунистам, сменившимися после призывами к открытой борьбе с Москвой, но это были чисто-политические приемы, имевшие в виду больше всего страховку самого Махно на будущее время и сохранение налаженных с крестьянами отношений, и это создавали благоприятные для Врангеля

обстоятельства и делало тыл большевиков неустойчивым; но отсюда до заключения союза Махно с Врангелем, конечно, оставалась "дистанция огромного размера".

Разве мог быть действительным союз Махно с Врангелем при наличии в военно-революционном совете армии Махно почти всех анархистов России, возглавляемых Волиным? Чем же мог соблазнить и что мог вообще предложить анархистам Врангель? Свой земельный закон? Но говорить об этом серьезно с анархистами, само собой разумеется, было бы смешно. Своим земельным законом Врангель хотел перетянуть на свою сторону крестьян, т. е. оторвать их от Махно, а крестьянство на 75%, если не больше, до конца борьбы просто не знало о существовании этого закона и, как бы в ответ на этот закон, отказывалось, несмотря на угрозы, вступать в русскую армию, в то же время выполняя махновскую мобилизацию в течение нескольких часов беспрекословно и, главное, без всяких угроз и насилий.

Махно это знал и, конечно, учитывал по-своему.

Правда, для Махно было тогда выгодным и даже необходимым затянуть борьбу Врангеля с большевиками, которые пока оставляли Махно в покое, хотя и оттиснутым в западном направлении от его основной базы, где как раз происходили самые решительные бои, и это стремление Махно затянуть борьбу позволило агентам Врангеля работать с Махно.

Нужно знать, что Махно все время имел не только связь со всеми атаманами Украины, которые, в большинстве случаев, после временных поражений, находили у Махно приют и возможность, оправившись, вновь приниматься за свою работу, но даже к основному ядру его армии причисляло себя большое количество мелких атаманов, которых Махно очень часто использовал для достижения своих целей.

На предложенный ему Врангелем союз Махно безусловно дал свое согласие и действительно помогал Врангелю работой мелких атаманов, как, напр., Ященко.

Но это согласие и этот союз фактически выливались в следующую форму: "пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну как с контр-революционерами. Врангель также против чрезвычаек и обещал нас не трогать".

Вот это заявление Махно и послужило причиной считать союз его с Врангелем заключенным, но союз этот был чисто "махновский".

Такой союз, если бы он в действительности существовал, дал бы Врангелю настоящих бойцов, несомненно выполнивших приказ об этом Махно, а главное, привел бы к тому, что в Крыму, да и везде, где был Врангель, исчезли бы зеленые.

Врангелю он передавал, что не прочь получить генеральский чин, а коммунистам указывал на свои заслуги перед революцией, обещая, как революционер, сохранить нейтралитет до окончания борьбы большевиков с Врангелем, а под шумок грабил и тех, и других, причем его "братва" получала на этот раз жалованье из карманов убитых комиссаров.

В Крыму, у Керчи, в каменоломнях, по всем деревушкам за Еникале, а также от Темрюка до Тамани, ютились зеленые, и все они считали себя только махновцами, и редко коммунистами.

Яд махновщины проник слишком далеко, и справиться с ним было не под силу государственной власти.

Союз Махно с Врангелем, как и переговоры Махно с большевиками, были только коварной двойственной уловкой. Это был чисто-махновский союз, как раньше с Григорьевым, советской властью и Петлюрой.

В союзники, кому бы то ни было, Махно не подходил, а его фраза: "мы еще подурачим генералов, а с ними коммунистов" – говорила сама за себя.

XIII. Армия Махно

К концу 1919 года все, что группировалось вокруг Махно, носило одно общее название: "Армия имени батько Махно".

Основное боевое ядро армии, наиболее активное, служащее как бы кадром, из которого потом развертывались отряды, пополненные крестьянами, состояло из:

1) личного штаба и конвоя Махно, численностью до 300 человек. Во главе конвоя, в роли коменданта штаба, находился бывший слесарь Кийко, а начальником конвоя состоял матрос Лященко, щеголявший добытой в Екатеринославе ильковой богатой шубой даже в летнюю жару;

2) кавалерия – 1 000 всадников, как это определил сам Махно, под командой бывшего вахмистра Долженко;

3) пулеметных полков, т. е. ездящей пехоты – 800 тачанок с 1-2 пулеметами на каждой и по 3-4-5 человек на тачанке, считая и кучера, в общем до 3 500 человек, под общей командой бывшего матроса Гуро;

4) артиллерия – шесть трехдюймовых полевых орудий с полной запряжкой и зарядными ящиками, в общем, до 200 человек, под командой бывшего фейерверкера Зозуля;

5) комендантских команд и других вспомогательных частей, передвигающихся также исключительно на тачанках и иногда принимавших участие и в боях, в общем до 500 чел.

Постоянных чисто-пехотных частей, санитарных учреждений и интендантских обозов в армии Махно не имелось.

Таким образом, численность постоянных сил Махно, составленных преимущественно из бывших матросов военного флота, уголовного элемента, дезертиров из красной и белой армии и лишь в небольшом количестве из крестьянской молодежи, нужно определить в 5000 человек, не считая реввоенсовета армии.

Кроме этих постоянных частей, имелись временные, в большинстве пехотные части, собираемые по мобилизации из крестьян. В зависимости от района, мобилизация давала в одну ночь 10-15 тысяч бойцов и больше, часто с артиллерией и кавалерией. Эти части состояли исключительно из крестьян и распределялись по полкам, носящим название сел, давших контингент (Петровский, Новоспасский и т. д.).

Численный состав таких полков и их вооружение были самыми разнообразными. В большинстве случаев, это были самостоятельные отряды из всех трех родов оружия.

Порыв к наступлению мобилизованных частей в первые дни

бывал очень велик, но, по мере удаления от родных сел или затяжки военных действий, крестьяне "выдыхались".

Успех махновских мобилизаций зависел от того, что во всех селах Таврической, Екатеринославской и южных уездов Полтавской и Харьковской губернии имелись махновские организации, поддерживавшие через особых агентов и разведчиков постоянную связь со штабом Махно, который благодаря этому, всегда был точно информирован о положении на местах. Раскрыть эти организации при занятии сел противником было немыслимо, так как почти все жители сел так или иначе бывали замешаны в махновском движении, а главари держались крайне конспиративно.

Постоянная осведомленность о настроениях крестьян, возможность через посредство агентов и руководителей на местах создавать эти настроения – позволяли Махно избегать ошибок с объявлением мобилизации в неподходящий момент, и поэтому мобилизации всегда проходили с успехом.

Тайные махновские организации скрывали раненых в боях разведчиков, облегчая всякие хозяйственные и административные заботы, наконец, они прятали оружие, до тяжелых пушек и танков включительно, выдавали это оружие мобилизованным,- словом, служили тем надежным тылом, в котором нуждается каждая армия, а партизанская – в особенности.

Такая организация, доведенная до последней степени гибкости и совершенства, определяла и характер тактических действий Махно. Имея основной кадр армии из людей, терять которым нечего, посаженных на лошадей (кавалерия) или тачанки, Махно совершал в одну ночь переходы в 50, 60 и более верст. На остановках он находил отдых, корм для людей и лошадей. Следует отметить, что уплату за все забранное у сельского населения Махно немедленно производил деньгами или товарами с большей щедростью, нежели его противники, которые, впрочем, старались ничего не платить крестьянам. Эти расчеты, помимо других причин, приводили к тому, что крестьяне радовались появлению махновских отрядов. Таким образом, Махно, достигнув за полперехода пункта, намеченного для нападения, располагал собранными по секретной мобилизации свежими боевыми частями. Внезапная и быстрая атака почти всегда приводила к успеху. От неожиданности нападения противник терялся и отступал в паническом бегстве.

При захвате крупных пунктов грабежу подвергалось все, что только возможно вывезти на крестьянских подводах. Часть награбленного, преимущественно легковесные ценности, оставались в распоряжении Махно, а большая часть – товары,

снаряжение противника и проч.- увозилась мобилизованными крестьянами по своим селам. После этого грабежа задача мобилизованных крестьян, если противник не успел организовать сопротивления, считалась законченной, и крестьяне возвращались к своей повседневной жизни.

К этому необходимо добавить, что в некоторых случаях Махно прибегал к устройству внутренних выступлений в тех пунктах, где, по его данным, он мог бы встретить стойкое сопротивление, как, например, в Бердянске, где ему удалось организовать выступление рыбаков предместья Лисок, захвативших с тыла артиллерию. Это дало Махно возможность обойти со стороны моря весьма сильную естественную позицию добровольцев. При вторичном занятии Екатеринослава Махно перевез винтовки и пулеметы под продуктами крестьян, якобы ехавших в город на базар.

Деление армии на постоянный и временный состав отражалось на внешнем и бытовом укладе армии.

Неизменными и постоянными спутниками основного ядра армии были грабеж, пьянство, буйство… Рядом с пулеметами, на тачанках, прикрытых дорогими коврами, помещались бочки с вином и самогоном. Видеть махновцев в трезвом состоянии было трудно. Махновцы самовольно, партиями снимались с позиций, являлись в ближайший город, заезжали в любой двор и открывали невероятный, дикий кутеж, привлекая участвовать в нем всех, кто подворачивался под руку, открывая тут же во дворе или на улице, ради своего развлечения, пулеметную стрельбу. Ни один двор или дом не был гарантирован от подобного налета, а это вызвало озлобление. Махновцы не признавали над собой никакой власти и ни с чем не считались. Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая накожными и другими болезнями, разнося всюду заразу, они беспомощно гибли, но на их место спешили попасть те, для которых единственным идеалом была праздная и пьяная жизнь.

Именно этот элемент наводил ужас на все городское население, а из деревень их часто выпроваживали пулеметным и даже артиллерийским огнем.

Основное ядро махновской армии крестьяне иначе и не называли, как ироническим "ракло", и только себя считали настоящими махновцами. Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, чисто-маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки и трусики уживались рядом с богатыми шубами.

Крестьянские же полки по внешнему виду ничем не отличались от крестьян. Правда, крестьяне тоже выпивали, но это

были не махновские кутежи, и, наконец, их, по-видимому, никогда не оставляли хозяйственные заботы, а также их интересовал исход борьбы, которая велась на их родных полях. Симпатии этих крестьян были на стороне Махно, и если с коренным махновцем можно было вести любой разговор с самой злой критикой Махно, при крестьянине-махновце в таком случае можно было ждать смерти. Крестьяне не смешивали Махно с его вольницей и терпели последнюю лишь в силу необходимости, а часто самосудом расправлялись с наиболее надоевшими и буйными махновцами.

Фактически в городах, занятых Махно, власть проводилась через коменданта города, но они не имели достаточной силы, чтобы воспрепятствовать буйству и грабежу "кадровых" махновцев. Комендант выдавали пропуск для передвижения жителей в районе, занятом Махно, они же арестовывали и судили.

В Бердянске мне пришлось наблюдать картину махновского суда. На площадке, против комендатуры, собралось человек 80-100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос и объявил:

– Братва! Мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку,- он показал золотой портсигар.- Что ему за это полагается? Из толпы 2-3 голоса негромко крикнули:

– Расстрелять…

Это подхватили остальные махновцы, как, очевидно, привычное решение.

Комендант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнира.

Народный суд кончился, а махновцы, только что оравшие: "расстрелять", довольно громко заявляли: "Ишь, сволочи, не поделили"; комендант же, опустив портсигар в карман брюк, не спеша отправился выполнять свои обязанности.

Так в жизни махновской армии уживались крестьяне-собственники, а рядом – уголовная безудержная вольница, которую почему-то все считали идейными анархистами.

XIV. Махно и анархисты

Сам Махно, как и все его организации, на время борьбы считались подчиненными исключительно военно-революционному совету армии. Но это было на бумаге, на деле же руководящую роль в боевых операциях армии играл личный штаб Махно, во главе которого находился всегда пьяный Васильев, так как у махновцев существовало глубокое убеждение, что Васильев проявлял свои воинские таланты лишь в минуты полного опьянения, а потому напаивание Васильева поощрялось всеми, начиная с самого Махно.

В совете Махно заседал весьма редко, удовлетворяясь докладами Волина на дому. Махно предпочитал находиться на передовых позициях, часто принимая непосредственное участие в боях, вызывая восхищение "братвы" артистической стрельбой из пулемета. Это было, с одной стороны, потребностью самой натуры Махно, а с другой – вызывалось и необходимостью личного примера для его недисциплинированных войск.

Постоянные заявления анархиста Волина в речах на митингах и в газетах, что лично Махно никакой власти не имеет и является лишь простым исполнителем указаний коллегии военно-революционного совета, необходимо рассматривать не более как чисто дипломатическую уступку слишком прямолинейным взглядам находившихся в этом совете анархистов.

На самом деле Махно, через Волина, проводил в жизнь все, что находил необходимым, вплоть до печатания денежных знаков.

Действительная власть Махно, а не мнимое его подчинение совету, была настолько всеобъемлюща, с чисто-диктаторскими замашками, что двойственность власти никаких трении или вредных для дела разногласий между Махно и военно-революционным советом не вызывала.

Во время затишья или временного прекращения военных действий Махно не мешал совету делать все, что только ему вздумается, предпочитая заполнять свободное время игрой в карты, кутежами и женщинами.

Официально в компетенцию военно-революционного совета армии Махно входили: оперативная, административная, разведывательная, агитационная, культурно-просветительная и другие части; кроме того, совету принадлежало право созыва съездов крестьян, устройства конгрессов и митингов.

Совет издавал газеты, из которых две постоянные: "Известия военно-революционного совета армии имени батько Махно" и

"Набат" – партийный орган анархистов.

Наконец, совет руководил грабежом и распределением по деревням награбленного, а также решал все вопросы об активных выступлениях армии.

Председателем военно-революционного совета был известный анархист Волин, а членами – представители различных социалистических и анархистских партий, сбежавшиеся сюда чуть ли не со всей России, большинство коих производило впечатление определенных авантюристов.

Из всех многочисленных отделов военно-революционного совета идеально были поставлены разведывательный, большая часть секретных агентов в котором были женщины, и агитационный, для целей которого были использованы почти все сельские учителя.

Постоянный состав совета доходил до 200 человек. Однако в нем происходило беспрерывное движение, и он трудно поддавался учету. Во всяком случае, общий состав его можно определить не менее чем в 2 000 человек, считая и многочисленных подвижников агентов.

Политическое кредо военно-революционного совета, санкционированное молчаливым согласием Махно, сводилось к следующему: коммунистическая партия и все московское правительство считались контр-революционерами, захватившими власть обманом и ведущими социальную революцию по ложному пути к гибели.

Идеалом махновцев, подлежавшим немедленному проведению в жизнь, являлись советы, но построенные без признаков какой бы то ни было власти (очевидно, политической), ведающие чисто-экономическими вопросами. Союз таких экономических советов является верховным органом в жизни интернационального человечества. Продолжение революции в России и возможная революция на западе Европы признавалась только под знаком синдикализма, а не социализма.[6]

На митингах Волин и другие анархисты всегда подчеркивали, что они непосредственно связаны с анархическими группами Запада.

Длительное участие в жизни махновской армии активных анархистов и тяготение к ним Махно привело к тому, что анархисты влияли на все дела армии. Влияние же бывших в военно-революционном совете социалистов было ничтожно.

Но вряд ли махновская вольница могла впитать в себя анархические идеи. Волин не раз сознавался,- правда, негодуя,- что проводимая им идеология дальше членов совета, и то только некоторых, слабо воспринимается.

"Братва" шла за Махно не потому, что уверовала в идеалы Волина, а в силу того, что ей была по вкусу полная приключений буйная и пьяная жизнь.

Волин был, несомненно, самой яркой фигурой среди махновских политических "деятелей".

Отвлеченный теоретик, он направлял свою энергию на полемику с Троцким, и буквально все номера махновских газет пестрили несколькими статьями, подписанными Волиным, неизменно заканчивавшимися признанием Троцкого вне закона. Несомненно, в этом сказывалась больная натура Волина.

Лет пятидесяти, преждевременно состарившийся и поседевший, среднего роста, с беспокойным взглядом, направленным куда-то вдаль, Волин производил своей растрепанной фигурой мало знакомой с водой, щеткой и гребнем, впечатление человека, только что выскочившего из дома умалишенных.

Преображался Волин лишь в минуты, когда произносил свои блестящие речи, довольно удачно лавируя среди зловещей махновской действительности, так как крестьяне, совершенно не понимая и мало интересуясь идеями, проповедуемыми Волиным, довольствовались своей упрощенной идеологией, смысл которой сводится только к возможности избавиться от властей, осмелившихся требовать от них выполнения государственных повинностей, а также к грабежу городов, называемому ими "возвратом всего того, что городские пауки повытянули у них за прежние годы".

Попытки военно-революционного совета дать работу своему культурно-просветительному отделу, после первых же шагов, повели к тому, что отдел раз навсегда отказался от мысли посылать своих членов к крестьянам для прямой работы, совершенно правильно полагая, что в крестьянской среде подобная работа обречена на полный провал.

Вообще на крестьянский быт анархисты имели очень мало влияния, и крестьяне, как и раньше, несмотря на махновские мобилизации, участие в боях и грабеже и анархическую агитацию, как только возвращались к себе в село, сразу же обращались в ярых собственников-кулаков и начинали ходить в церковь.

Да и сам Махно, как это ни покажется странным, по-видимому, в угоду крестьянам, не раз во время богослужения заходил в церковь, ничуть не считаясь с авторитетным осуждением таких поступков Волиным.

XV. Заключение

После захвата Крыма и окончания борьбы с Врангелем советская власть, несомненно, поставила себе задачей полную ликвидацию Махно, переговоры с которым о его подчинении советам ни к чему не привели, несмотря на его указания большевистским делегатам, что он, как подлинный революционер, держался нейтрально во время борьбы коммунистов с Врангелем.

Такие объяснения, не удовлетворяя руководителей советской власти по существу, отсрочивали активное выступление Махно и тем самым начало военных действий против него коммунистов, что, по условиям крайне суровой зимы 1920- 21 гг., являлось для обоих сторон необходимым. В руки советского командования попали точные данные о местонахождении самого Махно и его отрядов.

С наступлением весны 1921 г. Махно не замедлил перейти к своим излюбленным коротким налетам. Перед советской властью встал грозный вопрос о срыве всего продналога в Украине. Медлить дальше с ликвидацией Махно было невозможно, и тов. Фрунзе получил приказ ликвидировать Махно. С этого времени над Махно нависла грозная и ничем уже не предотвратимая гибель.

Фрунзе дальновидно и планомерно хотел затянуть на шее Махно петлю, стараясь постепенно оттеснить его в сторону Донецкого бассейна, но Махно, разгадав его намерение, бросил свой родной район и быстро перенесся к Антонову в Воронежскую губернию, а затем в Орловскую, но здесь он успеха уже не имел, и ему пришлось быстро перебросится через Харьковскую губернию в Херсонскую. К концу лета 1921 года постепенными маневрами своей многочисленной кавалерии Фрунзе прижал Махно к Днестру, к румынской границе.

Лично Махно удалось, хотя и легкораненым, перейти границу и скрыться у румын, но зато в Бутырки в Москве попал почти в полном составе военно-революционный совет его армии во главе с самим Волиным, который даже из тюрьмы продолжал кричать о контр-революционности коммунистической партия.

У румын Махно нашел часть своих военных помощников, перебравшихся туда ранее. Ловкий Козельский, не жалея колоссальных средств, заблаговременно вывезенных в Бессарабию, сумел безопасно и удобно устроить своего батьку, обойдя все неприятности, которым подвергаются интернированные румынами русские. Рана Махно давно залечена.

Тяжелые переживания не сломили беспокойной, жаждущей вечных приключений натуры Махно, и румыны имели в своих руках довольно неприятное для советов орудие.

На митингах и, в особенности, в пьяном виде у Махно очень часто вырывались словечки и фразы, которые никак не подходят под обычный для него тип речей, выдержанных все же в анархическом духе.

На одном из митингов, отвечая на заданный вопрос, Махно сказал:

– В России возможна или монархия, или анархия, но последняя долго не продержится.

Часто Махно говорил и о памятнике разбойнику Ермаку Тимофеевичу, почему-то не упоминая ни о Пугачеве, ни о Стеньке Разине.

Странным кажется и его показное стремление держаться особняком от своих идейных руководителей-анархистов, не говоря уже о социалистах, коих он вообще называл "полукадетами", а "кадет" по махновской терминологии было чуть ли не самое страшное слово, по крайней мере, для тех, к кому оно относилось непосредственно.

В среде наиболее близких к Махно, людей, с которыми он держал себя откровенно, не было ни одного анархиста и вообще партийного работника.

Возможно, что и в этом случае Махно следует своей потребности быть везде первым, попросту не терпя вблизи себя людей, могущих чем-либо выделиться перед ним. Несомненно и то, что у Махно слишком многогранная, жесткая и коварная душа, не знающая ни в чем удержу.

Его исключительное знание крестьянского быта и самых сокровенных желаний крестьян, его несомненная личная храбрость, решительность и умение проводить довольно сложные военные операции, огромная энергия и организаторские способности – вот причины успеха Махно.

Однако надо иметь в виду, что основа этого успеха сводилась к тому, что Махно имел возможность через своих агентов узнавать о настроениях крестьянских масс и немедленно реагировать на них отдачей соответствующих духу этих настроений приказов. Но создавать эти настроения Махно не может: он не вождь,- он умеет лишь плыть по течению.

Несомненно, что настроения крестьянства раньше были неустойчивы и, во всяком случае, теперь резко изменились, и это заставляет меня признать, что история махновщины закончена, а для самого Махно остается лишь роль простого бандита, каким он, по существу, всегда и был.

Приложения

I. Приказы и телеграммы Махно [7]

"Мариуполь. Полевой штаб армии махновцев. Копия всем начальникам боевых участков, всем командирам полков, батальонов, рот и взводов. Предписываю прочесть во всех частях войск имени батько-Махно. Копия Харьков Чрезвычайному уполномоченному Совета обороны Каменеву.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта. Ни в коем случае не допустимо ослабление внешнего фронта революции. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба (подписи)"

"Харьков. Особоуполномоченному Совета обороны Республики Каменеву. Копия Мариуполь. Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина[8] телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно было дано распоряжение держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемых позиций Деникину и прочей контр-революционной своре и выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице ваших комиссариатов и чрезвычаек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это – преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном, я не знаю, что он делает и с какими целями: поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоей образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым иля кем бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями,

имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру – насилие даже в отношении анархических объединений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба (подписи)

Предс. Культ.-просв, отд. Аршинов".

Штаб 14 армии. Ворошилову. Харьков Предреввоенсовет Троцкому. Москва Ленину, Каменеву.

В связи с приказом Военно-рев. совета Республики за № 1824 мною была послана в штаб 2-й армии и Троцкому телеграмма, в которой я просил освободить меня от занимаемой должности. Сейчас вторично заявляю об этом, причем считаю себя обязанным дать следующее объяснение своему заявлению. Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самодеятельности,- вся официальная советская пресса, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера. Меня выставляли и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против Советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так в № 51 газеты "В пути" Троцкий в статье под названием "Махновщина" задает вопрос: "Против кого же восстают махновские повстанцы?" и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть, в сущности, фронт против советской власти, и ни одного слова не говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором в течение шести с лишним месяцев повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы. В упомянутом приказе № 1824 я объявляюсь заговорщиком против Советской республики, организатором мятежа на манер григорьевского.

Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для осуждения и решения как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких съездов центральной властью, объявление их незаконными (приказ № 1824) есть прямое наглое нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что эта власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к

повстанчеству переносит на меня. Примером этому может служить упомянутая статья Троцкого, в которой он, наряду с заведомой ложью, выражает слишком много личного, враждебного мне.

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное, поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста. Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество, в противосоветском заговоре и серьезно, по-революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как к живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные подозрительные отношения, торгуясь из-за каждого патрона, а то и просто саботируя его необходимым снаряжением и вооружением, благодаря чему повстанчество часто несло невероятные потери в людях и в революционной территории, которые, однако, были бы легко устранимы при ином отношении к нему центральном власти. Предлагаю принять от меня отчеты и дела.

ст. Гяйчур, 9 июня 1919 г. Батько-Махно".

II. Нестор Махно о себе [9]

(Письмо Н. Махно к П. А. Аршинову.)

"Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск, губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров "Положения о вольных советах" и сейчас же взял направление через Вапнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои – с одной стороны с пехотными частями коммунистов-большевиков, которые шли по нашим следам, а с другой стороны – со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь,- против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков, никогда не устаивала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собой путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно-народная революционная армия,- по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30 человек, наполовину из них командиры. В числе последних наш милый, славный друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе оставался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко[10] застрелились. При этом Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля

осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. В скорости после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Ему предлагали отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги-отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время он еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет,- мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь[11] и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8 марта третью часть большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск-Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянул в их район.

В пути моя группа, т. е. группа Петренко в 1 500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжата со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контр-атакой. Контр-атака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два дня нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и геройству не было пределов. Люди с возгласом: "жить свободно или умереть в борьбе" бросались на любую часть и повергали ее в бегство. В одной сверх-безумной по отваге контр-атаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку на вылет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту: "Батько убит!…"

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке, и я совершенно было сошел кровью. Не становясь на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и

доглядываемый Левой Зиньковским.[12] Это было 14 марта. В ночь против 15 марта возле меня сидели все командиры групп, члены штаба армии во главе с Балашем и просили подписать приказ разослать по 100, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстанием в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16 марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-я кавалерийская дивизия и в течение 13 часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и пять часов покормили людей и лошадей…

17 марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасовки и, пройдя верст 17, наткнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, утеряв след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и неспособных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40-50 саженях идет взаимная неописуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них и для меня. Противник численно в 5-6 раз больше, и бойцы его все свежие и свежие подскакивают. Смотрю – ко мне на тачанку цепляются люйсисты[13], что были и при тебе возле меня. Их было пять человек. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: "Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом." Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слыхал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люйсисты прегражда́ли путь большевикам. Это-то время мы уехали версты 3-4, перебрались через реченку. А люйсисты там умерли.

После мы заезжали на это место, и крестьяне села Стародубовки, Мариупольского уезда, показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люйсистов. И по сию пору вспоминая этих простых честных

крестьян-борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня, как бы, вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями, и тем. которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2 000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня больше 60 автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую, армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части, он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его охватила кавалерия Буденного, и он там погиб.

18 мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бравой и Маслаком.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платнова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20-15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это соблазнило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавточасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-й кавалерийской дивизии (бывшей дивизии "внус") через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечасти, объезжавший реченки и овраги и расстанавливавший у дороги сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность приготовиться и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против

"бандитов", что воодушевляло их гордость – от бандитов не отступать.

Наши же друзья-повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после того бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложением в армии и бегством из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т. Глазунова, который был всем хорошо снабжен и отправлен в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали. Все лето 21 года мы не выходили из боев. Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вел бои тов. Кожин. При встрече с нами он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшей Вдовиченко).

В начале августа 21 года, в виду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры – Кожин, Петренко и Забудько…

13 августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16 августа того же года на рассвете, при помощи 17 крестьянских рыболовческих лодок, между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слыхали одно: уезжайте, вылечите Батько и возвращайтесь к нам на помощь…" 19 августа, в 12 верстах от Бобринца, мы наткнулись на расположенную по реке Ингулец 7-ю красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, так как один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение

ока, обнажив шашки и с криком – ура! – бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов "Максима" и три "Люйса", мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контр-атаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако, не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-й полк 7-й кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от беспрерывных атак этой дивизии и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня,- пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и на вылет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26 августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и бойцы – Петренко-Платнов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я – за границей…"

notes

1

Историю женитьбы Махно, рассказанную Герасименкой, по имеющимся печатным материалам подтвердить не удается. Вообще правдивость этой истории под большим сомнением. Но является ли она одной из тех многочисленных легенд, которые витали вокруг имени Махно? И имя жены Махно не Соня и не Нина Георгиевна.

Между прочим, Я. Яковлев в своей брошюре: Русский анархизм в великой русской революции цитирует дневник "жены Махно, учительницы Федоры Гаенко, захваченной в одном из боев с Махно. Борис Пильняк в рассказе Ледоход, напечатанном в третьей книжке журнала "Русский современник" за 1924 год называет жену Махно Марусей, заставляет ее говорить по-английски и также цитирует ее дневники (вероятно по тем же оригиналам, что и Яковлев), "захваченные в бою командиром Эйдеманом, в бою, где она была убита" (?!) А сподвижник Махно и ближайший его помощник П. А. Аршинов пишет что Махно с 1918 г. женат на Галине Андреевне Кузьменко, которая жива до сих пор и которая никогда личного дневника о Махновском движении не вела и не теряла. Где же правда в этой путанице?

Кстати укажем, что в той же повести Борис Пильняк вывел известного анархиста Волина, воспитателя Нестора Махно и активнейшего главу махновщины. Волин изображен в повести простачком-теоретиком, приехавшим впервые к Махно в 1920 году "для научной работы". К сведению Пильняка сообщим, что Волин знал Махно еще мальчишкой и на каторге, и никакую научную работу председатель реввоенсовета махновской армии (должность Волина) вести не собирался. Под конец повести у Пильняка Маруся убивает Волина - "неизвестно почему". Но ведь Волин жив до сих пор и обретается за границей!

Почти подобную сентиментальную литературную стряпню, сплошь построенную на выдумке, мы находим в романе: Батько Махно молодого французского писателя Ж. Кесселя. Роман этот входит в состав только что вышедшего в Париже сборника его произведений "Мятежные души". Героиня романа - мифическая курсистка-еврейка (ср. у Герасименки), пленившаяся его "нечеловеческими страданиями" на которге во времена царского режима и ставшая его женой.

2

Об истории, причинах и политике соглашения советской власти с Махно тов. Я. Яковлев, тогдашний представитель правительства УССР в переговорах с Махно, в своих воспоминаниях пишет следующее:

"Политическое положение советской власти на юге становилось все более критическим. Советской России и Украине угрожала реальная опасность. Захват Врангелем Донецкого бассейна означал бы остановку железных дорог и непоправимый удар республике. Рабочая и трудящаяся масса делает по-прежнему свой выбор: за советскую власть – против Врангеля и Пилсудского. Белогвардейские результаты работы Махно все более обнаруживаются. Врангель широчайшим образом популяризирует Махно как своего сотрудника и помощника. Белогвардейские партизанские отряды, формируемые Врангелем, действуют под Махновским флагом. Появляется целый ряд врангелевских командиров, вроде Яценко, которые действуют как командиры партизанских отрядов "имени батьки Махно". Этими командирами выпускаются воззвания, где нет уже ни слова о безвластном обществе, зато есть очень много слов о русской армии Врангеля, о святой Руси и необходимости беспощадно бить комиссаров, коммунистов и жидов.

В самих махновских частях, утомленных непрерывной, безуспешной и безрезультатной борьбой с советской властью, начинается брожение. Махновским генералам от анархизма грозит опасность превратиться в генералов без единого солдата. Еще неделя такой непримиримой политики к советской власти, и махновцев будут гнать из каждого села, к махновцам крестьяне будут относиться так же, как относятся к Врангелю. Махновские низы требуют соглашения с советской властью.

Перед анархическими вожаками встает вопрос: или, следуя резолюциям последней конференции "Набата", продолжать свою роль авангарда врангелевской армии, или попытаться, хотя бы на время борьбы с Врангелем, хотя бы для вида, войти в соглашение с советской властью.

Анархо махновцы выбирают второе.

В октябре 1920 года махновский реввоенсовет обращается в реввоенсовет Южного фронта с предложением своих услуг в деле борьбы с Врангелем на основе оперативного подчинения командованию Красной армии.

Советское правительство и военное командование Красной армии принимают это предложение Махно.

Это предложение Махно принимается, чтобы:

1) освободить тыл Красной армии от махновских отрядов, во имя немедленной победы над Врангелем;

2) чтобы еще и еще раз показать средним слоям украинского крестьянства, что борьба советской власти с Махно означает не борьбу с трудящимся крестьянством, а с кулаческой противосоветской верхушкой махновщины.

Советское правительство Украины и военное командование учитывали возможность и даже неизбежность нового выступления Махно против советской власти, но в то же время ясно сознавали, что это новое выступление кулацкого батьки оставит за Махно даже из тех 12 000 партизан, которые шли еще за ним, лишь сотни и окончательно изолирует его от украинского села.

Командующим Южным фронтом Фрунзе и членами реввоенсовета Южного фронта Бела-Куном и Гусевым с уполномоченными совета и командования реввоенсовета повстанцев махновцев Куриленко и Поповым подписывается соглашение по военному вопросу,

3

Историю убийства Григорьева Н. В. Герасименко рассказывает совершенно неверно. Убийство произвел сам Махно, а не Лященко, и произошло оно 27 июля 1919 года в селе Сентове. Вот как описывает этот факт ближайший помощник Нестора Махно, анархист П. Аршинов:

"27 июля 1919 года в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской губернии, по инициативе Махно был создан съезд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии. Согласно программе работ, съезд должен был наметить задачи всему повстанчеству Украины в связи с моментом. Съехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно; всего до 20 000 человек. Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того и другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призывал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками. Григорьев не прочь ради этого соединиться с Деникиным. После, мол, когда иго большевизма будет низвергнуто, народ сам будет видеть, как ему устроиться. Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступившие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционна только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа – с генералами-будет преступной авантюрой и контрреволюцией. К этой контр-революции зовет Григорьев, следовательно, он – враг народа. Затем Махно публично перед всем съездом потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае месяце 1919 года в Елисаветграде, и за ряд других антисемитских действий. "Такие негодяи, как Григорьев, позорят всех повстанцев Украины, и им не должно быть места в рядах честных тружеников революционеров". Так закончил Махно свое обвинение Григорьеву.

Последний увидел, что дело принимает для него страшный конец. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семен Каретник, ближайший помощник Махно, несколькими выстрелами из кольта сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом "смерть атаману" тут же застрелил его. Приближенные и члены штаба Григорьева бросились было к последнему на помощь, но на месте были расстреляны группой махновцев, заранее поставленной на страже. Все это произошло в течение двух-трех минут перед глазами съезда" (см. П. А. Аршинов,

История махновского движения, предисловие Волина, издание "Группы русских анархистов в Германии", Берлин, 1923 г., стр. 133-134; об убийстве Григорьева Махно см. также статью Л. Троцкого: Махно и другие, в 1 книге том II издания "Как вооружалась революция", стр. 254).

4

Как выполнял Махно соглашение с советской властью, видно из следующего приказа тогдашнего командующего южным фронтом тов. Фрунзе: "Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах остаться с остальными бандами на фронтовом тылу. Махно спешно организует и вооружает за счет нашего трофейного имущества новые отряды".

А в тылу махновцами проделывается следующее: 12 ноября в селе Михайловке убиты и раздеты догола 12 красноармейцев; 16 ноября в селе Пологи махновскими частями ограблено несколько красноармейцев 124-й бригады, ехавших за оружием в артиллерийскую летучку; 17 ноября в селе Пологи отряд 2-го конного махновского полка раздел и пытался убить командира взвода 376-го полка, 21 ноября в деревне Вербной ограблен 8-й артдивизион 42-й дивизии; 21 ноября в селе Гуляй-Поле командир 4-го махновского полка отобрал у хозяйственной части 373-го полка 35 000 винтовочных патронов, 15 винтовок и пулеметы; 7 ноября в селе Ивановке махновцами убито шесть красноармейцев 2-й смешанной Кавказской бригады; в районе села Жеребец махновцами разграблен отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт интернациональной бригады, ранен командир транспорта и несколько красноармейцев.

5

О том, как расправлялись махновцы в те месяцы с большевиками, красноречиво свидетельствуют следующие строки дневника одной участницы махновщины:

23/II 20 г. Наши хлопцы схватили большевистских агентов, которые были расстреляны.

25/II 20 г. Переехали в Майорово. Там поймали трех агентов по сбору хлеба. Их расстреляли.

1/III 20 г. Скоро приехали хлопцы и известили, что взят в плен командир красноармейцев Фидюкин. Батько послал за ним, но посланец вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним, раненым и по его просьбе расстреляли ого.

7/III. В Варваровке Батько совсем напился и стал ругаться на всю улицу нецензурной бранью. Приехал в Гуляй-Поле, здесь под пьяную команду Батько стал делать что-то невозможное: кавалеристы стали бить плетками и прикладами всех бывших партизанов, встреченных на улице. Приехавшие, как сумасшедшая орда, несутся на лошадях, налетают на невинных людей и бьют их… Двум разбили головы, одного загнали в реку… Люди напугались и разбежались.

11/III 20 г. Ночью сегодня хлопцы взяли два миллиона денег, и сегодня выдано всем по 1000 рублей.

14/III 20 г. Сегодня переехали в Великую Михайловку, убили здесь одного коммуниста… (Я. Яковлев, Русский анархизм в великой русской революции, стр. 28-29).

6

Для образца методов осуществления анархо-махновцами идеи "вольных советов" приведем несколько наугад взятых выдержек из сводок украинского фронта, рассказывающего эпическим военным языком про анархо-махновские дела.

5/VI 20 г. На ст. Зайцеве Махно прервал телефонное и телеграфное сообщение, разобрал путь впереди и сзади поезда № 423, находившееся в поезде имущество ограбил, а обнаруженных коммунистов изрубил…

8/VI На ст. Васильевка Махно взорвал железнодорожный мост.

18/VII. Махно произвел налет на ст. Гришино, продержался 3 часа, расстрелял 14 захваченных работников советских и рабочих организаций, уничтожил телеграф и разграбил продовольственный склад железнодорожников.

26/VII. Ворвавшись в Константиноградский уезд, Махно в течение 2 дней изрубил 84 красноармейцев…

12/VIII. Ворвавшись в Зеньков, Махно изрубил 2 человек КПУ и 7 работников сельских и рабочих организаций.

16/VIII. На железнодорожном участке Миргород-Гоголево Махно в трех местах взорвал железнодорожный путь.

16/VIII. Захватив Миргород на полтора дня, махновцы разграбили все склады упродкома, уничтожили помещение советских и рабочих организаций, изрубили 15 телеграфных аппаратов, зверски убили 21 рабочего и красноармейца. В разграблении города анархо-махновцам помогали окружные кулаки, прибывшие из соседних сел на подводах.

12/XII. Налет на Бердянск. Анархо-махновцы в течение 3 часов под предводительством самого Махно зарубили и зарезали 83 коммунистов, в том числе одного из лучших работников Украины Махалевича, выворачивали руки, отрубали ноги, распарывали животы, закалывали штыками, зарубали топорами.

2/VI 21 г. Махно занял ст. Гоголево, отцепил паровоз от стоявшего состава, пустил его на другой поезд,- в результате паровоз и состав разбиты.

17/VI 21 г. Банда Махно прошла на хутор Маячка, уничтожила линии связи и разбила аппараты.

30/VI 21 г. Банда анархо-махновцев в 40 верстах от Новомосковска сожгла экономию.

6/VII 21 г. На ст. Ново-Сенжары группой анархо-махновцев разграблен поезд № 304, паровоз пущен на состав поезда № 99, разбито несколько вагонов, убито несколько десятков человек.

16/ХП 20 г. На участке Синельниково-Александровск пущен под откос поезд, убито около 50 рабочих, красноармейцев и коммунистов.

7

Приводимые нами приказы и телеграммы Махно относятся к последним дням совместного сотрудничества Батьки с советским командованием. Первые два документа, нами публикуемые, являются ответом на телеграмму т. Каменева, тогдашнего Чрезвычайного уполномоченного Совета обороны, посланную 12 мая 1919 года в основной штаб махновцев, в которой были следующие предложения: "Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент – или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам…" – В этих двух махновских документах уже ясно проглядывает контр-революционный облик Батьки и его сподвижников. В телеграмме Каменеву Махно осторожно говорит, что он за "свободные рабоче-крестьянские соединения (советы)", но против "органов принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящих партийную диктатуру".- Выпущенное же вскоре воззвание Махно, напечатанное в главном органе махновцев "Путь к свободе", включало в себе уже следующие фразы: "Со времени пришествия большевиков у нас установилась диктатура их партии… Григорьев – предатель революции и враг народа, но партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда…" – Это решило судьбу Махно. Приехавший в это время на Украину тов. Троцкий быстро разглядел природу махновского движения и в своей статье "Махновщина" резко заявил, что "с анархо-кулацким развратом пора кончать." – Третий документ, нами публикуемый, и является откликом Махно на заявление тов. Троцкого.

8

Одновременно с телеграммой Л. Каменева была получена на имя Махно телеграмма от Гроссмана-Рощина (коммуниста-анархиста), говорившая о том же событии.

9

Вождь махновского движения, не в пример многим другим печальной памяти "вождям", до сих пор не записал воспоминаний о своей эпопее. Насколько нам известно, Нестор Махно ни разу не выступал в печати как "историк" и как мемуарист.

Публикуемый нами документ, вышедший из-под пера самого Махно, вероятно, единственный в своем роде. Написанный уже за пределами СССР, но сейчас же после окончательного разгрома махновской армии, документ этот хранит в себе разбойничий пафос только что пережитых авантюр. Правдивость фактов, сообщаемых в этом письме, и своеобразное контр-революционное изображение событий остается, конечно, на совести автора его. Но колоритность языка этого письма заставляет вспоминать лучшие страницы бабелевских новелл о гражданской войне.

Письмо это адресовано П. А. Аршинову, ближайшему другу Махно и одному из "идейных" главарей махновского движения. Как и напечатанные выше приказы и телеграммы Махно, письмо это. впервые публикуемое в СССР, извлекается нами из книги П. А. Аршинова "История махновского движения" (Берлин, 1923 г., стр. 193-200).

10

Матросенко – активный махновец

11

В это время Махно имел раздробленную ногу: пуля попала в щиколотку ноги и вынесла почти все кости. Поэтому верхом на лошадь он садился в исключительных случаях.

12

Знаменитый Левка Задов, начальник махновской контр-разведки.

13

Команда пулеметчиков, вооруженных ручными пулеметами системы "Люйса".